

Александр Кухарук. «Узник града ИФ», 108 с.
Отпечатано в РА «Таркус», г. Донецк, 2011

Гармония сродни справедливости. Быть поэтом — это не профессия, не хобби, и даже не желание. Быть поэтом — это служение. Служение гармонии, служение справедливости. Не по приказу, не по призванию, не по желанию и пр., а по наитию.

Александр Кухарук, автор этого сборника, никогда себя поэтом не считал. Поэтом в том понимании, когда человек говорит о себе — я поэт. Да и мало кто из окружающих скажет о нем так — он поэт. Потому как не так уж часты и не так уж очевидны всем вот такие его минуты наития. А для него же они подобны молитве — настолько личные, интимные и неприкосновенные. Для него каждое стихотворение — встреча в первую очередь с самим собой. Постоянный поиск. Открытие. Радость, печаль, удивление. И каждое произведение — отклик на нарушение внутренней гармонии, потребность в восстановлении справедливости. Возможно, поэтому благородство помыслов и высокие душевные порывы стали характерными в его творчестве, а книга, которую Вы держите в руках, наполнена глубиной, мудростью, искренностью и многообразием красок жизни.

Вместе с автором можно поразмышлять над смыслом бытия, нравственными ценностями, испытаниями судьбы человека, ведь поэтическое слово — это ключ к познанию истины, добра, красоты, а также веры, надежды и любви.

Дорогой читатель, надеемся, что интерес к поэзии поможет Вам разгадать тайну узника града ИФ.

* * *

Гармонія споріднена зі справедливістю. Бути поетом — це не професія, не хобі і навіть не бажання. Бути поетом — це служіння. Служіння гармонії, служіння справедливості. Не за наказом, не за покликанням, не за бажанням і так далі, а за натхненням.

Олександр Кухарук, автор цієї збірки, ніколи себе поетом не вважав. Поетом у тому розумінні, коли людина говорить про себе — я поет. Та й мало хто із оточуючих скаже про нього — він поет. Тому що не такі вже часті, і не такі вже очевидні всім ось такі його хвилини натхнення. А для нього вони подібні молитві — настільки особисті, інтимні і недоторкані. Для нього кожний вірш — зустріч, у першу чергу, з самим собою. Постійний пошук. Відкриття. Радість, сум, дивування. І кожний твір — відклик на порушення внутрішньої гармонії, потреба у відновленні справедливості. Мабуть тому благородство помыслів і високі душевні пориви стали характерними в його творчості, а книга, яку Ви тримаєте в руках, наповнена глибиною, мудрістю, сердечністю та багатоманітністю фарб життя.

Разом з автором можна помислити над сенсом буття, моральними цінностями, випробуваннями долі людини, бо поетичне слово — це ключ до пізнання істини. Добра, краси, а також віри, надії та любові.

Дорогий читачу, сподіваємося, що інтерес до поезії допоможе Вам розгадати таємницю в'язня міста ІФ.

*Там, где не надо — я пошел
Ведь надо ж было несурязице случиться:
Собрался только кучу сделать дел,
Как угораздило меня на свет родиться.*

А. Кухарук

НЕЗБАГНЕНЕ

«А довготерпіння Господа нашого рахуйте
за спасіння»
(перше соборне послання св. апостола Іоанна)

Незбагненне

Здійснились всі пророцтва древніх книг,
Волхвів здійснився кожен віщий сон,
Творіння Боже — воїнство святих
Перемогло.
Віват, Армагеддон!
Збулось усе!
До скону стерті в пил
Гординя духу,
Невгамовна плоть,
Чому ж над згарищем
Колись зловістих крил
У роздумах сумних
Стоїть Господь.
День перемоги
Втіхи не приніс,
Він знав завжди,
Що буде саме так,
І день обрав цей
Вже давно колись,
А разом місце
І знаменний знак.
Він бачив кожного
І в кожному бачив все,
Він сам був Істина,
І Радість був і Страх,
Він знав, що його Слово вознесе,
І знав, що його Слово
Знищить в прах.

Єдиного збагнути він не зміг:
Чом не повірив і не зрозумів
Його цей світ,
Який він так беріг,
І рід людський,
Який він попри все
Любив.

★ ★ ★

«Згадайте праведних гетьманів,
де їх могили?»
Т.Г. Шевченко

Мовчи, Софіє, бачу все сама,
З часів Батия...
Мовчи. Дарма.
Дарма кричати, кликати на рать,
Коли сконала Бога благодать,
Та, що прорік тобі Іларіон,
Що опиратись мала на закон,
Такий непевний і такий мінливий,
Щораз новий, облудно-хтивий,
І де не де правдивий...
Бо ж людський...
Відомо, що від Бога благодать,
Та доля, звісно, не така ласкава,
Одного разу оточила тать,
І нанівець зійшла твоя держава...
Твоя краса...
Твоя відрада й врода,
Лишень одна лишилась нагорода...
— Оранто...
Жевріла та вгамовуючи страх,
Тебе тримала на своїх руках,
На тих руках, що пестили Христа...
Гірке відлуння: помста...омста...ста...
Від стін зруйнованих.

Від міфів того граду,
Який буяв,
І мав таку принаду,
Що встояти не зміг...
— Софіє, доню...
Рука лягає лагідно на скроню,
— Не бійся, не журись...
— Оранто...
— Що, маленька, молишся?...молись...
За тих, хто не жалів і ще за тих,
Хто не жаліє чорних стін твоїх,
Кому замало тільки змарнування,
Хто вимагає зникнення, заклання,
Нетямущих дітей...
Твоїх дітей...моїх...
Молись, Софіє, знаю що болить,
І не відпустить ну хоча б на мить,
Тримає міцно, цупко, до кісток,
У саркофазі що поставили в куток...
Оце наш князь...
За що ми маємо таке, що ж це за гріх —
Могили бачити прапращурів своїх,
І дивуватись...
Що вони все ж є!...що все було!
Що не омана...
Ці імена...ці лицарі...осанна!
Чи амінь...
А радше слава...
Хто ще не танцював на їх кістках?
Втоптали в землю так, що і хрестів не видно,
Чужі, свої, плазуючи огидно,
Бо прах змовчить, на те то він і прах...
Як затишно в твоїм, Софіє, храмі,
Мені так добре в нім, немов у Бога,
Дороговказом — тихими свічками,
До цих могил нехай освятиться дорога.
Щоби мовчання відійшло навік,
І повернулась благодать у храми,

Щоб ти відкрила радості свій лик,
Й заговорила
Спраглими устами...

* * *

Навряд чи зможе хоч один чужинець,
Перед всім світом розіп'ятись так:
У нас ще вчора сам Христос був — Українець!
Сьогодні вже Шевченко — вурдалак.
У головах поплуталось святе й нечисте,
І грім не гряне, небо не впаде...
В Кийові дядько,
За горою рак не свисне,
Стоїть болото,
Бузина росте.
Така рясна, що і землі не видно,
Тієї, що годує, віддає
Свій сік сміттю, що так буяє плідно,
А бузині плювати. І плює.
Глузує підло і готує страту
Тому, хто словом вимостив нам шлях,
І хоче прахом його вистрілить з гармати,
Щоби розвіяти навіки по вітрах.
Цькувати Генія — прадавня спокуса,
Було багато ласих в різні дні
Хоча би трішки замочити вуса
У його мудрості — настоящим вині.
Гірка ця мудрість і гірка ця слава,
Вина того не кожен розуміє смак,
Тому й хміліє ницість: «Маю право!»,
Тому й паплюжить люто: «Вурдалак!».
Вандалів духу не зупинить слово,
Ім'я, що для України є святе.
Вони ростуть зухвало — модерново,
Пильнуйте, люди —
Бузина росте!

* * *

Як важко позбутися маски
В країні клонуваних клоунів,
Як важко позбутися страху
В країні голодних шурів,
Як важко знайти світло розуму
В країні сліпих ідіотів,
Як важко святим залишатись
В країні тотальних гріхів.

Як легко «ганьба!» верещати
Із наговпом оскаженілим,
Як легко плювати в обличчя
Коли йде безчинства розгул,
Як легко судити за очі
Того, хто інакше все бачить,
Як легко влучати у спину
Рушницю наставив впритул.

Як важко завжди відмовляти
Усмішкам ласкавим спокуси,
Як легко завжди поступатись
Коли каже «так» ост і вест,
Як важко здаватися принцем
Коли жебраком народився,
Як легко, коли зрозумієш,
Що свій на Голгофу ніс Хрест.

* * *

«І що воно, й до чого тее слово...»
(«Одно слово», Леся Українка)

Що наше тіло — капище богів,
Що прагнуть жертв,

Не зваживши натомість
На давню мудрість з глибини віків:
Лише душа буває здатна на жертвність.
Важкий двобій тендітних білих рук,
Двох білих крил з безоднею сліпою,
Там, де підступний і важкий недуг,
На груди тисне брилою важкою.
Приходить разом з болем у ночі,
Ламає крила і ламає долю,
Шепоче люто: «Тільки не мовчи.
Кричи! І не почувеш свого болю».
Кричати? Ні!
Просить, благати — ні!
Співати. Так!
Негнучкими пальцями
Торкатись струн.
Ось лине: «до», «ре», «мі»...
Душі принести на алтар пісні,
Тим освятити храм з язицькими богами
І свій,
Наругою змордований нарід,
Господнею що створений рукою
Із тих, ще й досі недосліджених порід —
Палкий в любові, мужній у двобою.
І рідний край, старий кремезний ліс,
В яким горять озер блакитні очі,
Свою Волинь, її чарівні сни,
Ті, де пісні живуть русалочі й дівочі.
Плекайте душу, бережіть її,
Бо ж прийде час, жертвний час двобою,
Що зможете покласти ви тоді
На той алтар запеклої борні,
За власну долю із самим собою.
І не шукайте ви собі снаги
В порожніх фразах, у пихатих хатах,
У чарах, чварах, заздросцах, вині,
У мудрих і не дуже постулатах.

Шукайте там, де їх знайшла собі,
Маленька дівчинка, ще підліток, дитина,
Коли відчула, як зове її
Одне — єдине слово —
Україна.

* * *

Тривожне сонце котиться у степ,
Скіф скам'янілий дивиться за обрій,
Там ледь помітна вервиця судеб,
Там рок живе, хтозна — лихий чи добрий.

Одного разу розгорнув сувій,
І налетіли раптом дикі готи,
Здалось, повзе з-за краю світу змій,
Рікою чорною тяглись ряди кінноти.

А іншим разом довгий караван,
Пройшов повз нього, ніби та примара,
Пірнув із небокраю у туман,
І в небокраю зник, як в небі хмара.

Тягнули полонених і в полон,
Тягнули тих, хто був для них господар,
Людський потік і нелюдський закон,
Історії прикмета і володар.

За край землі, за світу край, у край,
Архитиповий прояв архетипу —
Вдивляйтесь, мріяти про свій далекий рай,
Під звук історії колісчатого рипу.

Та будь обачний, може завинив,
Ти світу щось, чи може слав прокльони,
Навіки скіф не дарма скам'янів —
Світ йому в очі глянув поглядом Горгони...

* * *

Пробач в чергове, Україно,
Якщо тобі не озовусь,
Я знов блукаю, безпорадний,
В пустелі сумнівів чомусь.
І знов шукаю там дорогу,
Що має врешт відкрити світ,
Оту, що виведе до Бога,
Нарід відлучений від нього,
Жахливим сном на прірву літ.
Та чи знайду свого Месію,
Чи відшукаю я, коли,
Під Берестечком у могили,
Проливши кров, віддавши сили,
Пророки наші полягли.
Коли Північна Пальмира,
Стоїть на їх святих кістках,
Коли під Крутами спочили,
Ті, що за нас на скоростріли,
Пішли із пісней на вустах.
А потім — вироки щоночі,
ГУЛаг, зруйнований Собор,
Малечі величезні очі,
В яких страшний вогонь пророчий,
Вже запалив Голодомор.
Вони кричать, вони благають,
Крізь довгі роки німоти,
До нас, заблудших, долинають,
Слова, що болем наповняють:
«Не буде прощі вам, кати!»
Ми чути їх не захотіли,
Сховались в свій «менталітет»,
І вигляд робимо щосили,
Що вибір свій уже зробили,
І що за ним йдемо вперед.

Чому ж караємось в зневірі?
Чому на різні кольори —
Які завгодно: чорні, білі,
Нас розривають сильні хвилі,
Зневаги тяжкої води.
Здається, вічності похмурість,
Лягла на Генія чоло,
Нам не збагнути його мудрість —
Неначе вже і народились,
Але іще не живемо.
Але вже дихаєм, вже бачим,
І тіло відчуваєм молоде,
І шлях шукаєм свій, невдячні,
І прокидаємося, сплячі,
І вже питаємо себе:
Де ти, заради Бога,
Щасливої долі дорога,
Серед споконвічної зради,
Де ти,
Бога
заради?

Свято

Пускають в очі пил
Веселі феєрверки,
Карбують твердо крок
Зелені гімнастерки.
В строю всі ноги — ліві,
Хто правий, той за ґратами.
Жонглює на панцернику
Матрос трьома гранатами.
Кремезні юнаки
Несуть портрет цікавий,

На ньому їх керманич,
Лукавий та ласкавий,
І відчуває світ
Його велику ласку:
Про неї конвоїр
Розказує всім казку.
До бою йти за діло
Спішать функціонери.
Хто проти них, хто за,
Міркують револьвери.
Цілує робітник
Досвідчену доярку,
Зачах інтелігент
Між ними у прошарку.
Гуде велика черга:
Дають усім цукерки!
У чергу лізуть вдруге
Зелені гімнастерки.
Новий атракціон
Для відданих полків!
Кидаємо багнети
У спину ворогів!
Заходиться сурма,
Слоном ревуть фанфари —
На площу виїзджають
Мільйономісні нари.
На них — великий трон,
А біля нього — плаха,
В її брудних руках
Людина, як комаха.
Навколо всі юрбляться,
Сокиру славлять вголос.
В надії, що з голів,
Не полетить їх волос.
Ще довго святкували,

Та все ж прийшов кінець
Цих відчайдушних гасел
Оманутих сердець.
Розбіглися полки...
Загасли феєрверки...
Все вийшло навпаки...
І несмачні цукерки...

Відлуння добрих побажань

Хай не стрінеш ти нещастя! Щастя...
І хвороба відвернеться! Вернеться...
Стороною йде невдача! Вдача...
Туга в серці хай не в'ється! В'ється...
Хай мине тебе пихата! В хату...
І біда нехай забуде! Буде...
Щоб в сім'ї була розрада! Зрада...
Та чекали друзі всюди! Юди...
Старість прийде хай нескоро! Скоро...
До небес здіймуться крила! Брила...
Буде щирою розмова! Змова...
Доля світла і красива! Сива...

Депортованим сталінським
режимом українцям присвячую

Чорна калина

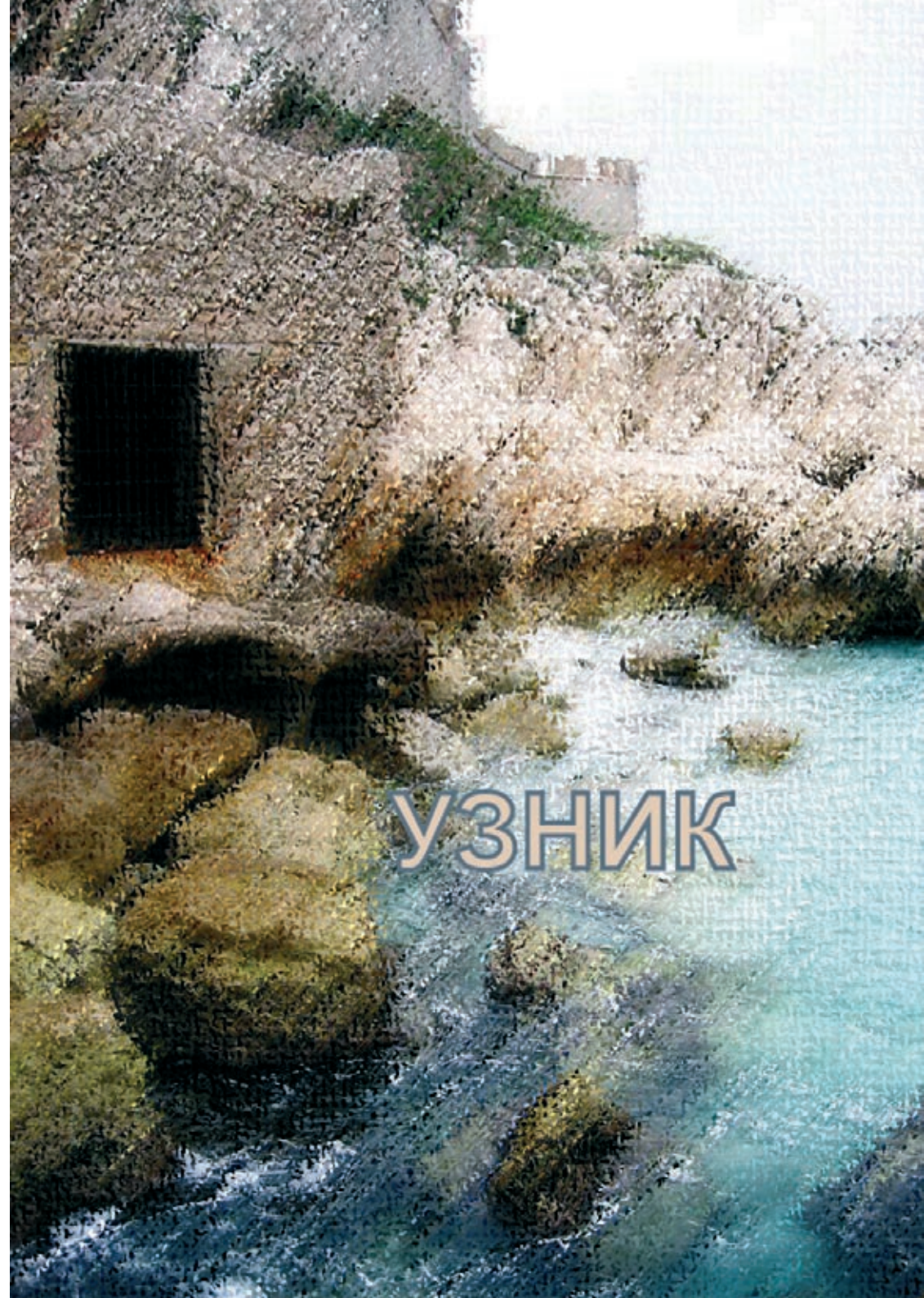
Паровоз знов гуде, шаленіє: «На схід!»,
В невідоме рушають вагони,
І межею навіки святої землі,
Став для вас край брудного перону.

Став до пекла подібним цей світ,
Що конав у думок зубожінні,
Став терновим вінцем сірий дріт,
Що сповів ваші душі невинні.

Охоронців німих тихий сказ,
В кожному серці — розрита могила,
Ваші янголи дивляться з неба на вас,
Та безсилі ламають крила.

Скільки згинуло мрій у юрбі,
Розшматовані, горем зім'яті,
У Сибіру на кожному стовпі,
І на кожній сосні розіп'яті.

Залишали тоді ви домівку свою,
І не знали, в чим ваша провина...
Тільки в тім, що у ріднім краю,
Горем рясно вродила калина.

УЗНИК

Ангел

За моим окном ангела крыло,
Днем белым-бело, ночью правит зло,
За моей душой снова ни гроша,
Пусть с пустой мошной, но полна душа,
За моей спиной тихий пересуд,
Вслед за ним ордой демоны идут,
Где-то в небесах твой, Хранитель, взгляд,
Одесную души праведных парят,
Где-то в небесах тихая стезя,
Но всеильный страх шепчет мне — нельзя.

За моим окном ангела крыло,
Ранено свинцом, бьется о стекло,
Мне бы веры час, я б его впустил,
Я его бы спас, только нету сил,
Только не лети, не бросай меня,
Буду я просить силы у огня,
Он еще горит, теплится внутри,
С сердцем говорит. Так гори, гори!
Отбивает такт жизни слабый пульс,
Слезы на губах или крови вкус.

За моим окном ангел белый ждет,
Аспидов клубком нечисть душу жжет,
Или это крест на моей груди,
Голоса окрест мне кричат — иди!
Отвори окно и спаси себя,
Ангела спаси, он зовет тебя,
Я взорвал свой мир, я разбил стекло,
Он меня простил. Но смеется зло,
Нет пути назад у моей стези —
Под окном лежат два крыла в грязи.

Мне бы в небеса, да пусты глаза...
Мне бы на погост, только путь не прост...

* * *

Тяжел твой взор, отец степи,
Ты надругался над моей твердыней,
Народ мой — пёс побитый на цепи,
И он у ног твоих лежит отныне.
Святыни попраны твоим огнем,
Угодники чужды и неуютны,
Но рано пировать тебе. Пойдем.
Я докажу тебе, что мы свободны.

Что видишь ты, незванный гость?
Что слышишь ты, исчадь ада?
Свой взор звериный люто брось,
На храмы в кровь изрубленного града.
Ты победил. Взошел на пьедестал,
И пусть сегодня мир наш изувечен...
Ты победил, но этим проиграл,
Пока они стоят — народ мой вечен!

Узник

Я узник замка среди высоких скал,
На языке прогорклый вкус металла,
Тяжелой маски ледяная сталь,
Годами мысли о свободе обжигала.
Я отщепенец, я отребье, мразь,
Мне даже места нет на эшафоте,
Давно мне душу заплевала грязь,
И часовые в траурном эскорте.

Мой светлый рыцарь, ангел во плоти,
Твоя душа всегда белее снега,
Прости же, Господи, меня, за все прости,
О, как коварна и слепа бывает нега.
Смертельным был тот первый поцелуй,
И мимолетной тихая услада,
Лети мой саван, по ветрам кочуй,
Ты кубок мой наполнил терпким ядом.
Будь проклят бархат ледяной железной маски,
Будь проклят каждый долгий миг разлуки,
И кандалов ручных цепные ласки,
Ведь это я должна ласкать, ласкать те руки!

Как опостылел лиц иконостас,
Что мне лицо однажды заковали,
И что уже отпели много раз,
Того, кто до кости прогнул в подвале.
Я брошен провиденьем и судьбой,
Я привиденьем стал для тьмы и мира,
И насладиться ненавидящей толпой,
Не суждено мне в качестве кумира.

Мой милый образ, гордый шевалье,
Моя Вселенная, мой храм, моя обитель,
Я жду тебя в небес холодной мгле,
Как ждал нас вездесущий искуситель.
Я перешла реки бурлящей брод,
Он смыл мой след давно на этом свете,
Безумный год сменяет тот же год,
Приди ко мне навек сквозь годы эти...

Крестоносцы

...Был путь усеян наш телами,
И горя полон был наш путь —
Своими черными крестами,
Мы нашей веры воспевали суть.
Нет, нас не жгли неверных слезы,
Детей не трогал горький плачь,
Во тьму грехов вели нас грезы...
Грааль! К тебе неслись мы вскачь!
Дрались во славу сына Бога,
Что был толпою вывалян в пыли,
Его костями мощеная дорога,
Была возмездием утоплена в крови.
И мы с надеждою смотрели в небо,
Ища знаменья. И не находя.
Оно молчало. Глухо было. Немо.
И стыли души: Боже! Нет! Не зря!
Не зря мы имя это призывали,
Того, кто смертью смерть поправал...
На отблесках мечей холодной стали,
Иуды дух незримо пировал...
Тем паче пойте! Пойте менестрели!
И славьте нас, пускай хоть так,
Невинных души, что в огне горели,
Не слышат крика ярости атак.
И воспевайте нас в веках, поэты!
Пусть даже проклят на века наш прах,
И песни наши все давно уж спеты,
И мы распяты на своих крестах...

* * *

Восславь весны приход, философ!
В трактате мудростью своей,
Не изводя себя вопросом:
Был или не был цвет тех дней.
Открой окно, отведай ароматы,
Земли своей, что млеет под дождем,
Овеянные пылью постулаты,
Пусть потревожит первый юный гром.
Пьянящий запах молодой сирени,
Прими за мирозданья благодать.
В нем универсум! Встань же на колени!
Чтоб с трепетом душевным ощущать,
Что ты живешь. Ты есть. Ты дышишь,
А значит — мыслишь. Часто вопреки.
Весь мир сейчас с тобою! Слышишь?
Как сердце бьется подо льдом реки...
И как твое, в груди, тревогой сжатой,
Ей вторит тихим эхом в униссон,
Как рвется малой птахою крылатой,
К подснежникам несмелым на поклон.
Встань на колени, став премного выше,
Догматов и сомнения оков,
Оставь для кантов, гегелей и ницше,
Игру о бытие туманных слов.
Оставь для них ты бремя славы,
Обняв в любви сей бранный свет,
И в благодарность молодые травы,
Навеки сохранят твой тихий след...

* * *

Заупокой царит в холодном храме,
И брошены желанья на алтарь,
Лохмотья крыльев реют за плечами,
И вусмерть пьян неверящий звонарь.
Он смотрит на побитый тленом крест,
Седые космы прячут маску гнева,
Во тьму грозит клюкой корявой перст...
Здесь он — король и плесень — королева.
Скрипит полов прогнившая утроба,
И гвозди кровь хотят испить из тела,
Мертвецкой хваткой впились в крышку гроба,
Он после дыбы — рай для Кампанеллы.
Его убила мысль о вечном солнце,
И для него он строил светлый град,
Теперь его удел — луна в оконце,
К ее сиянью он прошел сквозь мерзкий ад.
Но он прозрел в кругу земном стеная,
И не искал себе пути назад,
Не ведали слепцы, его терзая,
В предсмертном вдохе он найдет свой Солнца град...

* * *

Средь пожелтевших старых книг,
Веков хранителей немых,
Сидел седой слепой старик,
Хранитель тех времен былых.

Бредут живые мертвецы,
Зубов нестерпен скрежет,
Их путь к закланию. Жрецы,
Богов жестоких нежат.

Ведет на смерть завет отцов,
Всех ждет забвенья омут,
И панегирики жрецов,
В предсмертных воплях тонут.

Забыв давно огонь свечи,
Во тьме слепец, в мирах иных,
В краях, что грезятся в ночи,
Тому, кто зрячь, лишь в снах лихих.

Тела насытили алтарь,
Сердцами и утробой,
И крови алчущая гарь,
Летит над миром злобой.

Закончен древний ритуал,
Богов пришло знаменье,
И нож последний раз предстал,
Пред жертвой на коленях.

Усталых губ немая дрожь,
И тела дрожь, хоть ветер стих,
Он до сих пор тот видит нож,
Что вверх его в сей мир слепых.

★ ★ ★

Ты грозен был, центурион,
Но не сейчас, ведь пал твой Рим,
А ты, унижен и смешон...
Зачем остался ты живым?!
Зачем несметная ала,
В каре на небо уходя,
С собой к богам не забрала,
И здесь покинула тебя?

Святой империи века,
Не сочтены еще, пока,
Стоит с мечом центурион,
Истерзан, но не покорен.
Пока он жив, жива она,
Труби победу, сатана,
Сегодня твой армагеддон,
Но жив еще центурион...
Перед тобою твой вассал,
И над тобою грозный рок,
Хмельной от крови грязный галл,
Занес топор. Подходит срок.
Но верный меч еще с тобой!
Свидетель всех твоих побед,
И значит, не окончен бой,
Пока ты видишь этот свет.
Рим пал! Разбита колыбель,
В которой рос жестокий мир,
Он сам разбил свою юдель,
Он сам разжег кровавый пир.
Но жив еще центурион,
Веков растления дитя,
Отец династий и корон,
Царить вовек его стезя!

Холст

Все было где-то, как-то и когда-то,
Как будто было всё — наполовину,
Так скомкано теперь и так измято,
Что не разглядить мне судьбы моей картину...

Монологи Мессира

Вот дни лежат мазком небрежным масла,
А вот ночей печальных акварель,
А здесь любовь в карандаше угасла,
И след её — густой гуаши хмель...
Как часто кисть моя от слез дрожала,
Как падала устало на мольберт,
Но воскресала снова и...прощала,
И лечь старалась не испортив милых черт.
А я терзал ей холст природы грубой,
И не прощал любой неверный ход...
Ведь я художник! Что мне смех беззубой!
Я сам творю! Так шёл за годом год.
О, как же я творил! И как она терпела,
Колючий ворс жестокого холста,
Но вдруг поникла в миг, перегорела...
На холст мой страхом накатила пустота.
Стал для меня он льстивой власницей,
К душе расхристанной предательски прильнул,
И потянулся долгой вереницей,
Дней позднего раскаянья разгул.
Он так корил меня, терзал нещадно,
За то, что не согрел и не сберег,
Ту, чьей касания он ждал так жадно,
Ту, что отверженной ступила за порог.
Как часто я стою теперь у окон,
Что провожали этот стройный силуэт,
Ведь мне остался лишь один волшебный локон,
Что был подарен ею в тот рассвет,
Когда я взял её впервые в руки,
Слились когда в желании уста,
И красок не было ещё тогда разлуки,
И грубы не были края любви холста...

1.

Ну вот, еще один из многих,
Решил со смертью поиграть,
Как смел в тостах своих разлогих,
А на челе уже печать...
Тавром каленым меченый незримым,
С усмешкой превосходства на устах,
И тщится во всеведении мнимом,
В душе заблудшей поубавить страх,
Своими неумными речами...
Не от того ли в доме угол пуст,
Иконы нет за тихими свечами...
Все, что в уста — не грех, а грех — из уст.
Ну что ж, торгуйся, вот я, пред тобою,
Пока не теплится свет утренний в окне,
Не хочешь коль тому, кто отдан Крысобою,
То исповедуйся хотя бы Сатане...
Поведай мне о смысле жизни,
И о моей несбывшейся любви,
О том, как не подвластен тризне...
Поведай. И на жалость надави.
Она мне льстит, ведь так забавно,
Быть жалким пред обманутыми мной,
А пред тобою и того подавно...
Что замолчал? Не пьешь? Так пой!
И не бледней. Ведь я сегодня добрый.
Да не дрожи. Поставь стакан.
За приглашение спасибо. В мир загробный,
Ты тоже заходи. Я буду там.
Ну что ж, пора уже. Светает.
Пойду. Не надо. Если что — зови.
Тот по душе мне, кто вот так встречает.
Жду в гости. Всё. Прощай. Живи...

2.

Что Гелла там? Опять письмо...
О, сколько было их в догонку...
Кто в этот раз? А, тот, с клеймом,
Знать, хмель выходит потихоньку.
Ну что ж, открой. А, впрочем, нет,
Зачем напрасно тратить время,
Уж раз решил писать он мне,
Смысл открывать. Я знаю это племя.
Твердит, что мелочен я, груб,
Завистлив, скользок и сквалыга,
Что он из тех, кто так не глуп,
Иль не из тех. Вот тут интрига.
Что гостем был я дорогим,
А от того цвела улыбка,
И на предоброе лихим,
Ответил. Как же все же зыбка,
Та неочерченная грань,
Души людской водораздела,
И как коварна эта длань,
Что бьет ее в темнице тела.
Ну что еще... Молиться Богу,
Как должно не научен он,
А лишь богам, которых много,
Как мне знакомо слово ЛЕГИОН.
Как спирт он чист и не дрожал,
Ведь страх его всему каркасом,
И говоря, не лепетал,
Познать меня пытаюсь разом...
Ну что же, Гелла, отпиши,
Тебе я это поручаю,
А от меня лишь укажи:
ЖИВИ. Пока не докучаю...

3.

Сегодня полная луна...
Эй, Гелла, ты еще на месте?
Скажи, подруга не нужна?
Летать над миром с нею вместе...
Есть вариант. И не плохой.
Ну почему же Маргарита?
Отнюдь. То кандидат другой —
Подруга одного пиита...
Не стоит право? В твой полет,
Тебе сподручней в одиночку?
Дружище, милый мой Фагот,
Запомни имя. Ставим точку.
Сегодня полная луна...
Без сна сегодня прокуратор Иудеи,
Но срок, отмерянный сполна...
Сходи, Фагот, посланник звонит в двери.
Да, телеграмма. Всё тому нейметя.
Назойлив. Или просто одинокий.
Да, Гелла, знаю. В гости рвется.
Готовиться велит, урезал сроки.
Автограф мой узрел, не только лик.
И кто изобразил сию клинОпись?
Ты, Бегемот? Ну, молодчага. Озорник.
Не приведи кому МОЮ увидеть подпись.
Что ж, будем ждать, пускай идет,
Поговорим о месте и о роли.
Хотя и сомневаюсь, что поймет,
Ему понятнее гастриты и мозоли.
Нет, Бегемот, не трогай головы,
Она мне не нужна. Ему нужнее.
Он ведь не пал совсем еще. Увы.
А от того беседа веселее.

Жаль, опрометчив. Приближает срок.
Остереги его от шуток, Азazelло.
Чтоб не был горьким для него урок,
Коль ценит душу и рискует смело.
Сегодня полная луна...
И тишина...и тишина...

4.

Сполна жестокий не оплачен счёт,
Что взят займы у мнимой власти.
А их все больше. Вот, смотри, идёт,
Кто оплатить его, а кто отдаться страсти.
Прийти ко мне, то равносильно — пасть,
Ведь платы той цена давно известна:
Иль руки, сдавшись, на себя накласть,
Иль оставаться тварью бессловесной.
Прийти ко мне, то равносильно — крах,
Надежд людских на светлое спасенье,
На вечное блаженство в тех светах,
Где нет греха и чувств смятенья.
Так что же манит их сюда?
Что заставляет их стекаться отовсюду?
Увы, но я не смог тогда,
Спасти от праведников верного Иуду.
Ведь он горит в МОЕМ аду!
Но уговор — дороже денег:
Когда-то я в святом саду,
Идиллии смешной разрушил берег.
Так было надо, чтобы каждый знал:
Он всех прощает, я же — потокаю...
Но Он попался — за страстей накал,
Теперь Он всех казнит. А я — прощаю...
Не от того ль идут ко мне,
В грехах погрязшие навеки пилигримы,

Они уже давно горят в огне,
И души их уже не души — мимы.
Играют в позы, маски для лица,
Прикрыв гримасы ханжества кривые,
Ведь Он не любит образ подлеца...
Как сладко голоса: — Ведь мы живые!
Мы — люди! Значит мы — слабы!
За что, Творец, ты нас одних оставил?!
И стонут хором: — Еслибы, кабы...
Нам обещая рай, зачем лукавил?!
Да, откровенно не завидую Ему,
Создал воистину он адское отродье —
Оно само себя ведет во тьму,
Само себя ко мне несет, как половодье.
И вот они спешат, бредут ко мне,
А посеми — Ему я благодарен,
Ведь нет конца той скошенной стерне,
Ведь я прощаю ВСЁ! Ведь я — гуманен!
Идите ж, гости, я вас жду,
Кто лучше вас поймет, чем непрощенный!
Да, я низвергнут. Да, живу в аду.
Но даже падший — все же окрыленный!
И коль пришли, не надо о кресте,
Его оставьте вы подле ограды,
Он так тяжел. Мы лучше о мечте,
Поговорим. Ведь лучше нет отрады...

5.

Нет, Азazelло, пусть идет,
Ведь нет креста на нем, как видишь,
И нет при нем, так пусть несет,
В себе сей груз. Уж близок финиш.
Опять философ... От того и спирт,
Ему ниспослан жизни мерой,

В нем искушен и разницы не зрит,
Меж словоблудием и верой.
Он дал молчания обет.
Ну что ж, его я принимаю,
Кладу на чаши «да» и «нет»...
И пусть живет. Ему я ВСЕ прощаю.
Но вот вопрос: простит ли Тот,
Тот, о котором он тут так вещает?
Что скажешь, милый Бегемот?
Тебе известно ведь, как Он прощает.
К Нему б и шел, так нет — сюда,
Поведать мне о искушеньях,
Хоть сам не понял, это да,
Что искусился Сатаною в преньях.
Хоть я, конечно, в гости звал.
Но не скрывался. Знал он, что за гости.
И знал, к кому идет, и понимал,
Что может быть не принят на погосте.
И то еще не худший вариант,
Вполне бы мог изгнать в помойной яме,
Но он примчался в срок, педант,
Возвысаясь, обличать в моем же храме.
И даже место лихо указал,
В дуэте тьмы и света мнимому слепому,
Вновь не понЯв — когда билеты дал,
Он указал тем место и Святому.
Послушай, Азazelло, я ж просил,
Предостеречь его от скверных шуток...
А, это он и не шутил...
А что? Наивен? Тем и жуток.
Легко такие проливают кровь,
И обрекают на тоску и муки,
И повторяют это вновь и вновь,
При каждом разе умывая руки.

Не ведают в наивности своей,
За чистоту порывов принимая,
И прозревают на исходе дней —
Нашли ворота ада, а не рая.
Так без конца. Как я устал,
Венчать глупцов короной власти,
И этот вот пришел, а значит — пал.
Наивен. Хоть и прав отчасти.
В том, что действительно — пора,
Чтоб не застал он, как вернется.
Ведь ВСЕ вернулись. Писем уж гора.
Наивных грез, что это Им зачтется.
Никак не могут, глупые, понять,
Самоуверенностью затмевая Бога:
Им не ко мне идти, а от меня бежать.
И не ко мне спасения дорога.
Но это тайна. Пусть идут.
Ведь я — гуманен. Я им ВСЕ прощаю.
Под сень знамен моих пусть души принесут!
Идите все! Ведь Я вас призываю!
Вы — мой незримый ЛЕГИОН,
И вместе мы пойдем в геену злую,
Вас, мои вои — миллионов миллион,
Ведь только триста тысяч сядут одесную.
Как схожи ваши планы и мечты,
А посему, сомненья бросьте:
Сожгите благонравия мосты —
Пишите письма, заходите в гости...
Ну что же, слуги, выложил я суть.
Коней седлайте. Нам пора в дорогу.
А вы, наивные, пред тем, как выбрать путь,
Не торопитесь. Напишите Богу...

6.

Да, Бегемот. Опять обет.
Опять весов качнулись чаши...
Что в этот раз там — да иль нет?
И да и нет?... И тем и нашим...
Ну, ясно все. Собрал друзей,
От радости в зобу дыханье сперло,
Чтоб ею поделиться поскорей,
Взахлеб вещает, не жалея горла...
Понять нетрудно. Ведь вернулся. Жив.
Жизнь стал любить стократ сильнее.
В запале поначалу позабыв:
Обет давал молчанья Сатане я.
Жаль, спохватился. Лишняя душа,
Таки мне никогда не помешает.
И что таить, душа то — хороша,
Не зря ее так держит цепко. Знает.
Но коль на откуп бросил он весам,
Свои слова и душу в одночасье,
Они решили дело за меня. Он сам,
Накликал на себя сие несчастье.
А посему, чтоб прекратить ненужный спор,
И дабы не играл он впредь с судьбою,
Я выношу ему свой приговор,
Хоть и проникся я к нему, не скрою.
Чтоб он не грезил, буд-то выбрался сухим,
О сатанинском не пророчил дуализме,
Не искушал друзей идти за ним,
Не забывал о дьявольской харизме,
Мой милый Бегемот, к нему слетай,
И Аннушку проведай по пути,
Нет, головы ему ты не снимай,
А вот язык его — укороти.
И пусть живет. Хранит обет.
О том, с кем пил, хранит молчанье,
Оскал забавный видел или нет...

Пусть помолчит. Не рвется на закланье.
И мыслит впредь. На то и голова.
На то ее ему и оставляю.
Не мысли губят зачастую, а слова.
Молчание — цена души. Цена немая...

7.

Глянь, как запел... Причем фальцетом.
Ты то ли, Бегемот, ему оттял?
Отменный шут, скажу при этом,
Коль вместе пили. Или он наврал?
Не врет... Тогда ты, друг, стареешь,
Раз он лопочет дальше резво так...
Поберегись. И муркнуть не успеешь,
Твое ведь место он займет. Гляжу мастак.
У Аннушки вы тоже были вместе?
Нет, говоришь... Откуда спич про флирт?
Не делает тебе, друг, это чести,
Когда ты треплешься вот так, завидя спирт.
А он, видать и вправду недалекий:
...запас пополнить... показал свой лик...
...наивный... в мыслях одинокий...
...то был не я... и знать, не мой язык...
Нет, милый кот, меня ты не расстроил,
Все предназначено уже давным давно,
Тот не продается, кто чего-то стоил...
Спирт крепок, но мудрей его вино...
Ты соглашаешься... Мой паж смешной из ада.
И молча ждешь... Будь прокляты слова...
Молчание — хорошая награда,
Лишь если не слетела голова.
Он вновь не понял этого, как видно,
И не узрел, какой предъявлен счет...
Что, Бегемот, ужель тебе не стыдно?
Что делать знаешь? Ну тогда вперед...

✱ ✱ ✱

Я, как камин пустой — душа сгорела,
В неё плевали, рвали на куски,
Её любили, жгли — она терпела,
Лишь седина ложилась на виски.

Она жила, надеялась, парила...
Пока горел среди камней огонь,
Но он угас. И с ним она почил,
Ушла в золу от суетных погонь.

Огонь пылал, но только перестала,
Рука угли настырно ворошить,
И он поник, его совсем не стало,
И понял он, что сил давало жить.

Десница Божья! Береги мне душу!
Пошли лихих врагов и сохрани друзей!
Пусть любят иль плюют — я выдержу! не струшу!
Иначе выжить как сейчас душе моей...

Не дай покоя ей и присно и отныне,
Не отверни свою незримую ладонь,
Разбереди мне душу! И в камине,
Из углей разгорится вновь огонь...

* * *

На моїй долоні —
Візерунки долі,
Загадкові скарби,
Дивнії світи.
Перетнули поле
Таємничі смуги,
А оці дві поряд,
Бачиш — я і ти.
А ось ця, тоненька,
Донечка рідненька,
Тягнеться до сонця,
Як квітневий цвіт.
А навколо неї —
Це батьки й родина,
Зібрались на свято,
Хай росте наш рід!
В тихім смутку в'ється,
Через браму серця,
Смужка рушнікова,
Чисте джерело.
Тая смужка — мати,
Що в старенькій хаті,
Хилить у молитві
Втомлене чоло.
Бачу ще в долоні
Батька сиві скроні,
Як стискає йому
Груди чорний птах.
Як сини зростали,
До небес злітали,
Радісно гойдались,
На його руках,
Бачу, як рікою,

Розлилось кохання,
Береги якого —
Золоті роки.
І несе між ними течія любові
Нас по ясних водах
Вічної ріки.

* * *

Катя, Катеринка, Катерина,
Ти для мене — пісня солов'їна,
Оберіг мій, моя Березине,
Хай в житті твоєму щастя лине.

Радість моя і моя кровинка,
Синьоока дівчинка — перлінка,
Серця мого друга половинка —
Катя, Катерина, Катеринка.

Кожна квітка, кожна травинка,
Знає, як тебе, маленька, звати,
Дощика веселого краплинки,
Барабанять: «Катеринка, Катя»!

* * *

На весні заходився дід,
Біля сажівки коло хати,
Городити новенький пліт,
Яблуневий садок саджати.

Хоч і тягне уже земля,
Так до себе, що навпіл гнеться,
Але ж час не прийшов, мовля,
Душу лиш зачепи — озветься.

Та хіба ж є у неї вік?
Задля чого? Зламати крила?
Недолугий, незграбний лік,
Кругообігу бога Ярила.

Мотлох: речі, скарби...Пусте...
Краще все ж по собі лишити,
Дивне яблуко золоте,
Та під яблуню — дрібні квіти.

Отче наш...і до праці ген,
Перші садженці, ніби брама,
Так напевне із давніх давен,
Розпочавсь родовід Авраама.

І напевне ось так Творець,
Нахилився води попити,
Світом стомлений нанівець,
Щоби трішечки відпочити.

Ходить дід між малих дерев,
Чи ж то встигнуть його догнати,
Чи скоріш відболить, забере,
Путь останній навек із хати?

Та жене із думок цей сум,
Тиха радість нового саду,
Повнить мудрих, спокійних дум,
І над смертю дарує владу.

Кожний подих і кожна мить,
Можуть стати колись останні...
Посади яблуневий цвіт,
Та живи у його буянні...

* * *

Рядно строкате хиб та протиріч,
Життя зіткало неквапливо з буден,
Ось біла смуга — день, ось чорна — ніч,
Це відболіло, це лиш тільки буде.

А почалось все нібито з дрібниць:
Маленький вузлик, металевий хрестик,
Під небом неосяжним горилиць,
Із тайнами незнаними похресник.

Безмежний всесвіт — для ткання верстат,
Планети човниками бігають по колу,
Зоря далека, тау-шовкопряд,
Сріблястим світом виткала стодола.

Пасами зтруджених, невтомних, вічних рук,
Парсеками туманних альбїонів,
Людину — запоруку з запорук,
Небесний ткач створив з буття законів.

Рядно росте строкате, певна річ,
І серце б'ється, та чогось ятриться,
Ось біла смуга — день, ось чорна — ніч,
Допоки нитка раптом не скінчиться...

Ранок

Чаклує чорна кава на столі,
Так, ніби ніч у чашці залишила
Краплину себе.
Губи п'ють її
І гіркий смак ночі —
Думки мої,
Летять до тебе.
Туди,
Де розлучив старий вокзал,
Моїх очей докору,
Твоїх — втому,
Туди, тихий голос пролунав:
«Скажи, чи пам'ятаєш, як казав,
Що ти ніколи не віддаш мене.
Нікому».

Зустріч на межі тисячоліть

Бував «мілленіум», була ти не сама,
Серед яскравих, сяючих вітрин,
Короткий погляд і неказані слова,
Я також був в цей вечір не один.
Все відбулося швидко, мимохідь,
Лишивши думку, що тепер зі мною скрізь:
Невже і ми, як два тисячоліття,
Зустрілися на мить,
Щоби назавжди розійтись...

* * *

У хащах медових
Сповитих лозою садів,
Де ліг відпочити
Знесилений працею день,

Розсипало літо
Торбину фантазій і снів,
Хати одягнуло
В червоне намисто вишень.
Теплом заколисаний
Солодко вечір заснув,
Лиш бачили трави,
Лишившись самі віч на віч,
Як юний, соромлячись,
Місяць з небес зазирнув,
Крізь гілля прозоре
В глибоку колодязя ніч.

Реальна віртуальність

Вікно соромиться ночі,
І твоїх оголених пліч,
Воно гасить світло,
Заплющує очі,
Гадає, що так
Буде схоже на ніч.
Вина солодка пастка,
Крадеться теплом до ніг,
В кімнаті — тихая казка,
На шафі — мовчання книг.
Про всі таємниці неба
Розкаже нам теплий сніг,
Сумної мелодії чари
У тиші готує Стінг.
Крихка межа між світами —
Тоненьке скло вітрин,
По різні боки місто
Та снів його ультрамарин...

Оазис

Твоя любов, жаданая немов,
Оазиса джерела у пустелі,
Наповнює нектаром золотим,
Всі келихи дзвінки душі моєї.

В них відчуваю терпкий смак життя,
І терпкий смак кохання відчуваю,
П'янію від чарівного вина,
П'янію від того, що теж кохаю.

В них відчуваю твій солодкий сміх,
І тихих сліз твоїх гірке мовчання,
Нестерпний для обох сердець триптих:
Розлуку, сум і зустрічі чекання.

Я п'ю кохання нашого бальзам,
Я п'ю до краплі келихи веселі,
За те, чого нікому не віддам:
Мою любов — оазис у пустелі.

Зимовий вечір

Свічок яскравих тихе божевілля,
Зими палаци засвітило снігові,
Нічного неба сяючі сузір'я,
В очах кохання відбиваються Землі.

Серед вогнів казкової фієсти,
Кружляє завірюхи водевіль,
Під вітра спільні духові оркестри,
Я думав про давно минувший біль.

Згадав я з сумом зорепад серпневий,
Коли не виправдав я зірки сподівання,
Що з неба падала лише заради мене,
А я не встиг замовити бажання.

* * *

Любово, виправдай мене,
Нічого більше так не прошу,
Одну молитву — тяжку ношу,
Вона пече, кричить, жене:
Любово! Виправдай мене!!!
Перед людьми? Ні. Звісно ні...
Перед грайливою водою
У тім струмку, де ми з тобою,
Зустрілись вперше на весні,
Коли озвалась ти мені.
Перед світанком, ясним днем,
І тим пахучим дивним полем,
Цілунком...ще...Ппульсує бодем,
Немов торкається вогнем,
Той давній спогад...під дощем...
Я був як вітер — в нікуди,
Бо став чужим, а ти не знала,
Дивилась вслід іще, чекала,
І ще не бачила біди,
А я вже йшов від тебе назавжди...
Давно не тішить думка, що мине,
Яка ж вона брехлива є, ця зрада!
До себе жаль — її цупка принада,
Іде слід в слід, іде, не відверне...
Любово, прошу, виправдай мене!
За те, що ти була усі ці дні,
Єдиним сенсом, світлом, мною,
Глибоким подихом, журбою,
Що я весь час живу тобою, мов у сні,
За те, що ти живеш весь час в мені...

* * *

Довірся мені в своїх снах, моя мила,
У цих споконвічних відлуннях весни,
Довір мені свої беззахисні крила,
Довірся мені. І пусти в свої сни.

Пусти у поля запашні, там де злива
Солодких чуттів не мине, не мине,
Щоб ти там казкова, чуттева, красива,
Зустріла б й навек покохала мене.

У тихі діброви свої потаємні,
Щоб я заблукав в них, лишився навек,
У мрії свої, де слова всі даремні,
Туди, де бажання тече дивний сік.

Пусти в чисте небо, чарівне, безкрає,
Туди, де по лагідних, ніжних вітрах,
Лебідкою білою щастя блукає,
До тебе щоб я показав йому шлях.

Пусти, зачаруй мене своїм видінням,
Поклич за собою у дивні світи,
Палкої сльози зрадливим тремтінням,
Відкрий таємницю своєї цноти.

Дозволь мені це відчайдушне свавілля,
Не бійся, я снів не спотворю, о ні!
Я буду лиш в морі твоїм тиха хвиля,
Забутим сонетом лишусь на вікні.

Осіннім листом на бруківку похилу,
В надії що може підіймеш мене,
Впаду. Розіб'юсь. Зірвусь з небосхилу
До тебе. Ніщо вже назад не верне.

Довірся мені в своїх снах, моя мила,
У цих споконвічних відлуннях весни,
Довір мені свої беззахисні крила,
Довірся мені. І пусти в свої сни.

Міста моєї Батьківщини

Державного прагнення вияв. Київ.
Українського виміру страва. Полтава.
Місто Соні, сонця і Бернеса. Одеса.
Півдня теплого фасон. Херсон.
Без апеляцій і напівтонів. Львів.
На Волині місто дивне. Рівне.
Фейерверк палких сердець. Донецьк.
Вишиванки рідний комір. Житомир.
Пам'ятає печенігів. Чернігів.
Тут козацьке роздоріжжя. Запоріжжя.
Замок бачиш? Древній Луцьк.
Не Поплавський соромницький. Хмельницький.
До Європи поворот. Ужгород.
Дон фонтанів, площ і парків. Харків.
Душа широка і гостинно піниться. Вінниця.
Як один всі молодці. Чернівці.
Тут звернуться просто — брат. Кіровоград.
Цьому місту замало рядка,
Бо це місто Івана Франка.
Місто доків і трамваїв. Миколаїв.
Скифських пращурів акрополь. Сімферополь.
Син річок. Дніпропетровськ.
Поряд місто Лисичанськ. Луганськ.
Викликають світлі думи. Суми.
На Дніпрі лежить шмат ласий. Черкаси.
Звісно, фayne місто. Тернопіль...

Міста моєї Батьківщини,
Всі разом ви — вона і є,
У мить веселу, чи в кручині,
Іду до своїх по своє...
Ви всі в мені, ви завжди поруч,
Ви всі моєї віри гарт,
Турійськ, Охтирка, Дубно, Овруч...
Що я без вас? Чого я варт?
І де б не був, була дорога,
До вас, до свого по своє,
За вас молю благого Бога,
За те вам вдячний, що ви є...

✱ ✱ ✱

Так сталося, сьогодні я «не на коні»,
Про мене щось пише детектор брехні...
У очі ліхтар. Вазон на вікні.
Тьмяний силует. Сигарету? Ні...

Він дуже коректний. Педант. Брюнет.
Підкреслено ввічливий. Палить. Естет.
Обізнаний дещо...Шекспір, сонет...
Шкода, що брехня йому — пріоритет.

Лунають питання, повзе крива,
Як дивно мої виглядають слова,
Невротика графіком. Густо. Трава.
Крива суне вниз, у гору брова.

— Було у житті, що брехали? — Так.
— Ви знали його з дитинства? — Так.
— Кохали її до нестями? — Так.
— Ви впевнені в своїх словах? — Ще б пак.

— Ви були одружені тричі? — Ні.
— Завжди поступались місцем? — Ні.
— В той вечір ви були із нею? — Ні.
— Вас бачили там... — Не кажіть дурні...

Він ловить мене, як філософа світ,
О ні, не естет він, а радше крит,
Шукає навпомацки свій гамбіт,
У цім його сенс і його політ.

Кохав до нестями? О так, кохав.
І «так» відповів...як би він лиш знав...
Що меркне це слово...Що я відчував!!!
То що я, збрехав? Чи правду сказав?

В той вечір із нею...я всі вечори,
Був поряд думками, в полоні гри,
Не був з нею тілом лиш тої пори,
Та поряд були аромат, кольори.

Ще довго детектор собі міркував,
Напевне брехню в моїй правді шукав.
Педант був спокійний. Палив. Мовчав.
Кудись заглядав. Щось ретельно писав.

Що б там не було, я готовий. Нехай.
Детектор закінчив. Сиди. Чекай.
Брюнет підійшов, на стола сів край:
— Мої привітання, шановний...Рай...

* * *

Я жду тебя. Прийди, Мессир.
Сегодня бал, сегодня пир,
Прийди Мессир, я жду тебя,
И ненавидя, и любя.
Тебя ждала я много лет,
Но вот нарушила обет,
К тебе сама сейчас пришла,
Спалив мосты назад до гл.
Стою теперь я над толпой,
Здесь здравницы — за упокой...
Вот ты идешь из темноты,
Хоть ясен взор — глаза пусты,
Ты горечь мира всю познал,
Но к черту мир! Сегодня бал!
Я пред тобой обнажена,
Иль потаскуха, иль жена,
Венец тисками сжал виски,
Вокруг танцуют от тоски,
Хотят припасть возле колен,
Оставив поцелуя тлен,
Чего же Вы грустны, Мессир?
Ведь это Ваш сегодня пир.

О, как печален мой удел,
Как горек смрад гниющих тел,
Пропавших душ постылен вид,
Грехов неисккупленных стыд,
Но я избрал когда-то путь,
Я пал, назад все не вернуть,
И мне ль теперь в тоске роптать,
Моя неисчислима рать.
Терпи и ты, ведь бал идет,
Тебя твой Мастер тоже ждет,
Я показал тебе сей мир,
И павших душ безумный пир,
Сегодня ты пришла ко мне,
Чтоб быть с Ним в вечной тишине...

* * *

Я о том, как мир прекрасен,
Как он сложен и велик,
Как никто над ним не властен,
Лишь творца незримый лик.
И о том, как одиноки,
Небеса без наших глаз,
Недосяжно как выСОки,
Звезды россыпями страз.
Я о том, как в глупой ссоре,
Гневом полнятся сердца,
Как сменяет счастье горе,
Как не ведаем конца.
Я о нас. О нас, о людях.
Я о снах. О снах. О снах.
Я о яствах, что на блюдах.
Я про страх. Про страх. Про страх.
О судьбе, подчас привратной,
Я о нищих на культуях,
Я о той заре закатной,
Я о гроздьях на ветвях.
О себе, о ранах в сердце,
Где надежды бьет родник,
Как ищу слепцом я дверцы,
В мир, что сложен и велик...

Колодец

Я жил средь гордости вершин,
Они скрывали от меня свет яркий солнца,
Я счастлив тем был, что живу один,
И тем, что сам черпаю из колодца,
Своих стихов мне данную печаль,
Мой хмель, мою любовь, мою кручину,
Меня моя лишь восторгала даль,
И лишь в себе искал во всем причину...
Я жил один. Ужель я жил...
Скорее думал, что живу, что восторгаюсь,
Собою, главною из всех причин...
Но я так жил. Ни в чем сейчас не каюсь.
А время шло. Прозреньями избиты,
Изъедены награды прошлых лет,
Растрянаны в дороге и забыты,
Успехи над самим собой побед.
Смешным и одиноким я остался,
Средь тех вершин, теперь таких чужих,
Тех, над которыми я так и не поднялся,
Ведь в гордости своей был выше их...

* * *

Свой первый замок из песка,
Я строил прочно, на века,
Он простоял лишь пару лет,
Они прошли и замка нет.

Я тот учел эксперимент,
Второй воздвиг на пару лет.
Еще и месяц не прошел,
Как замок мой в песок ушел.

Воздвиг я третий замок свой,
Моля: хоть месяц ты постой!
Но зря молился, в этот раз,
Он простоял всего лишь час.

Вот я стою средь гор песка,
Уже не тщусь: года, века...
Дай Бог, чтоб замок я воздвиг,
Который защитил хотя б на миг.

* * *

Любовь ещё спала, когда устало,
В то утро по маршруту шёл трамвай,
Томилась в сладких снах, смеясь летала,
В мечтах бескрайних уходя за неба край.

И Вера не совсем ещё окрепла,
Терновый не спеша принять венец,
Она ещё росла, росла из пепла,
Сожжённых революцией сердец.

Надежда слабая, как нищенка ютилась,
Она боролась, не желая умирать,
Рвалась в дома и в окна птицей билась,
Мир наполняя весь за пядью пядь.

Надежда, Вера и Любовь... Средь душ уставших,
Чего-то ждали и скрывали взор...
А кто-то здесь, недалеко, на Патриарших,
Уже завёл свой с Незнакомцем разговор...

* * *

Поставь любовь на пьедестал,
И нет любви — лишь памятник холодный,
Я лучше уведу её в астрал,
Лугов хмельных, где дух парит свободный.
Где аромат цветов и грез раздолье,
Где вдох и выдох — с миром в униссон,
И пир сердец, и радости застолье,
И травы чинно ветру шлют поклон.

Поставь любовь на пьедестал,
И нет любви — лишь памятник холодный,
Я лучше уведу её в леса,
Где сказок мир и мифов благородный.
Где мхом порос из бревен старый дом,
Где вкусом сладким опьянит малина,
И мы укроемся в борах густых вдвоём,
Где ель колдует и грустит осина.

Поставь любовь на пьедестал,
И нет любви — лишь памятник холодный,
Я лучше уведу её к морям,
К ногам ей кину мир чудес подводный.
Где ждет рождения из пены Афродита,
Где золото лежит в старинных сундуках,
Кораллами морская глубь овита,
И поцелуй соленый на устах.

Поставь любовь на пьедестал,
И нет любви — лишь памятник холодный.

Пес

Он летел вперед что было духу,
А вокруг лежала в травах степь,
Что ему кричала ветром в ухо:
Да! Ты смог! Ты разорвал ту цепь!

Он бежал, не чуя под собою,
Ни планеты, ни земли, ни ног,
Он летел лохматою стрелою,
Сердце пело: Да! Я смог! Я смог!

Лапы сильные несли его куда-то,
От тоски давно постылой прочь,
Как и он, расхристанно-патлато,
Уж неслась ему навстречу ночь.

Он бежал от скуки и запретов,
Слизывая алым языком,
Звёзды в лужах и росу рассветов,
И катался по цветам клубком.

Тихим эхом радостного лая,
Прокатилась, сгинула вдали,
Бесшабашность эта удалая...
Пес проснулся...миску принесли...

* * *

Она жила как знала, как умела,
Цвела, любила, плакала навзрыд,
И песни звонко и душевно пела,
Наперекор досаде от обид.

Она жила средь зла и беспредела,
Не соглашаясь, часто — вопреки,
Жила добром, детьми, ведь жить хотела,
И плыть по водам верности реки.

Плела дочурке золотые косы,
Гордилась сыном, верила лишь в них,
Во снах спешила, собирала росы,
И им несла в ладонях молодых.

И если вдруг, в глазах её бездонных,
Ты вдруг увидишь лет прожитых гнёт,
Не верь: в души огромной уголках укромных,
Всё та же девочка курноса живёт...

✱ ✱ ✱

В колыбели старой сладко спал малыш,
Ангел рядом с ним у изголовья,
Улыбался — как же ты шалишь!
Всю Вселенную тебе отдать готов я!

От беды укрою в храме крыл,
И от счастья все открою двери,
Лишь бы только жил ты, только был,
Лишь бы не отрекся ты и верил.

Буду рядом, где бы ни был ты,
Где бы ни был, знай, что я с тобою,
Угадаю, кроха, все мечты,
Приведу к ним тайною тропюю.

Ты мой воздух, радость, ты — мой свет,
Боль моя и сон, и явь, и сила,
Я же твой навеки амулет,
От чумной звезды, что мир косила.

Я — твоя защита, я — твой кров,
Радуга твоя и сок берёзы,
Альфа я, основа всех основ,
Слёзы счастья, новых вёсен грёзы.

Ангел колыбель крылом укрыл,
Локоны, что вились так упрямо,
Вдруг малыш глаза свои открыл...
И позвал его тихонько — мама...

Памяти В.С. Высоцкого

Прошу, не надо, слов не говорите,
Не надо славы иль хулы с газетных полос,
Все, что имею — отдаю. Берите...
Все заберите, все! Оставьте — ГОЛОС...

Все отдаю.... Хватайте! Режьте! Рвите!
Собою и причастностью гордитесь!
Лишь голос — мой. Он только мой. Простите,
С потерей этой навсегда смиритесь...

Я ничего не взял туда с собою,
Ни песен, ни стихов, и ни гитары,
Оставил вам, чтоб иногда, порою,
Мой голос оживил динамик старый...

Я рвусь тогда охрипшею мембраной!
Туда, где раны сердца часто ныли!
Мой голос — мой последний путь в нирванну!
К любимой. К жизни. Где за все простили...

* * *

Послушайте песни синих китов,
В них тайны из снов...
Послушайте голос могучих глубин,
Незримых картин...
Они преисполнены смысла без слов,
Среди вечных льдов...
В них сила холодных подножий вершин,
С веками один на один...
Загадки шаманов и колдунов,
В камлании синих китов...
Они так сильны. И отнюдь не жестоки.
Не потому ли так одиноки...
Вселенная слушает их и вздыхает,
Когда эта песня в глубинах стихает...
Они в своем Космосе тихо парят,
И говорят... говорят... говорят...

* * *

Легко узнать, какого цвета счастье,
Пред тем узнав, какого цвета горе:
Быть может, цвета осени ненастья,
А может цвета штормового моря.
Тех синих глаз, что вы давно любили,
Пятна на новой кофточке от кофе,
Следа губной помады, что забыли,
Стереть, сходяв по хлеб к соседке Софе.
Кота того, что перешел дорогу,
Забора, под которым вы проснулись,
Ботинка правого, что натирает ногу,
Почтовых марок, что с письмом вернулись.
Хмельного пива, недолитого в бокалы,

Или долитого, да только лишь в чужие,
Коробки лифта, где грязны анналы,
В которых провели часы лихие.
Двери, захлопнувшейся перед вашим носом,
Ключа, что, как всегда, лежит в квартире,
Прически под дождем с большим начесом,
Который делали с утра часа четыре.
Носков соседа по купе в дороге дальней,
И там же места возле туалета,
Машины старенькой своей многострадальной,
Прилипшей к брюкам жеванной конфеты.
Подарка с неба незнакомой птички,
На первом всерешающем свиданьи,
Иль кошелька, что сперли в электричке,
Когда вы целовались на прощанье.
А что же счастье? Тут возьмем навскидку:
Пусть синие глаза нас позабыли,
Есть карие и право на попытку,
Спасибо скажем им за то, что были.
Вот кот-бродяга перешел дорогу,
Не факт что вам, не факт что на лихое,
Ботинок правый натирает ногу,
Бывало у людей и не такое.
С соседкой казус снова приключился,
Ну что поделаешь, осталась раз помада,
Зато опять хлеб в доме появился,
С женой помиримся. Соседка тоже рада.
Цветов у горя много есть на свете,
У счастья тоже, счастье не обидим,
Вот только разница меж ними ведь не в цвете,
Весь фокус в том, КАКИМ его мы видим.

* * *

Не смейтесь, но сегодня я решился,
Одел свой плащ и вышел за порог,
С тем, что так мучило меня, навек простился,
В котомке квас и солнечный пирог.
Да, солнечный...увы, не прямо с Солнца...
Вы всё ж смеётесь...буду привыкать...
Я понимаю...тоже из оконца,
Привык смотреть на мира благодать.
Я умещал её, как вы, в стены проёме,
В дыре, одетой в неживой стеклопакет,
И в металлическом плескался водоёме,
И картой мира мне года служил паркет.
Как это странно...был ведь я доволен,
Довольно долго жизнью и собой,
Но вдруг внезапно понял, как я болен,
Нет, не болезнью — дивною мечтой.
Случилось всё каким не помню утром,
День начинался просто, без затей,
Я встретил старика в хитоне грубом,
Кормящего в раздумьи голубей.
Они к нему со всех сторон спешили,
Сидели на плечах и на руке,
О чем-то меж собою говорили,
На воркованья птичьим языке.
Не знаю почему я шаг замедлил,
Остановился возле старика,
А он меня как-будто не заметил,
Лишь усмехнулся в бороду слегка.
Потом кусочек отщипнул от края,
Душистой сдобы с цветом золотым,
Мне протянул, тем самым приглашая,
К нехитрой трапезе под небом голубым.
По языку разлился вдруг букетом,

Вкус вересковый солнечных полей,
И нёбо терпнуло медовым липы цветом,
И сердце билось табуном коней.
Огромный мир познал я в одночасье,
Песчинка средь течения времён,
След метеора на далёком Марсе,
Древесный сок. Планета. И микрон.
Лесная чаща, волны, волчья стая,
Во мне дышали воздухом одним,
Для всех чудес от края и до края,
Уже я не был на Земле чужим.
Вдруг все исчезло. словно я очнулся.
Старик пропал, а у меня в руках,
Край сдобы золотистой изогнулся,
Играя светом в солнечных лучах...
И вот сегодня смог я всё ж решиться,
Одеть свой плащ и выйти за порог...
Не смейтесь так...я лишь спешу делиться,
Ведь я испёк для вас свой солнечный пирог...

* * *

Взведен курок. Еще чуть-чуть, пол шага,
Слова, слова...они теперь не в счет,
На рубеже блестит эфесом шпага,
Дрожь барабанной дробью бьет и бьет.

В рубахе белой, затаив дыханье,
Мой визави направил пистолет,
И выдает тревожным колыханьем
Его несмелость кружевной манжет.

Совсем юнец, какие право счеты,
Он сводит здесь на утренней заре,
Балов хмельных обманчивые взлеты,
Он спутал с честью в юности поре.

Но жребий брошен, к черту сентименты,
Стоит превыше чести только честь,
Той, в шляпке чьей игриво вились ленты,
Той, что отвергла скаберзность и лесть.

И глупо все ж с мальчишкою стреляться,
Как скучен этот гаснувший задор,
Губами бледными, что любят так смеяться,
Он нес сейчас какой-то тихий вздор.

Взведен курок. Вдруг замер лес осенний.
И пуля выстрел терпеливо ждет.
Он промахнулся в этот раз. В последний.
Для выстрела подходит мой черед.

Минуты шли. Мгновения такие
Их превращают в вереницу лет,
Я посмотрел в глаза его пустые
И разрядил свой в воздух пистолет...

★ ★ ★

Увидел я в Вашей розовой шали
Какие-то дивные, нежные дали...
Она ласкалась волной к тонкой грации шее,
Своей прозрачности нисколько не стыдясь.
Шептала будто — ну же, будь смелее.
Играя с легким бризом и резвясь.
А море отражалось бирюзою
В далеких грезах Ваших грустных глаз.
Резвилась шаль...манила за собою...
Я встретил Вас. Я слишком поздно встретил Вас...

★ ★ ★

Не надо лгать. Уж лучше так:
Пусть будут совести укоры,
И правды голой беззащитный такт,
В начале пьесы, где любовь — суфлёром.

Не надо верить даже сладкой лжи,
Когда изранив в кровь любовь и верность,
Тебя пронзят безумия ножи,
В финале драмы, где подмости — ревность...

★ ★ ★

Этот город. Он полон сусального кича и пафоса,
Здесь Сваровски хранит сундуки свои, полные страз,
И всемирная сеть — новый знак вавилонского хаоса,
Подсмотреть искушает и выставить все на показ.

Силиконовых форм возрастает критически масса,
Направляя рождение мыслей и полураспад,
Вытекают мозги. Утекли все. Свободная касса.
Голова — стеклотара. Под водку, компот, лимонад.

Вместо солнца над городом этим сияет сенсация,
Вместо дальних созвездий на небе мерцает интим,
По утрам барыши подбивает любви симуляция,
И трясется от дикого смеха беззвучно, как мим.

Этот город живет мишурой всевозможных нарядов,
В отраженьях витрин кривляясь движением тел,
Вот бы Трое когда-то такое сиянье парадов,
Конь тогда б у ворот до сих простоял не у дел.

Город тихих кликуш, папарацци, перверсий и мафии,
Это царство элиты и стеба в спортивных штанах,
И анамнез его уместится в одной эпитафии:
Первый крик, первый шаг, первый раз, первый нах.

Прочь сомненья гони, гражданин, ведь ты потребитель,
Ты хранитель, носитель и бог потребительских тайн,
Смысла нет упираться, иди же в кредитов обитель,
Подготовься к реалити-шоу «коллектор-онлайн».

На руках у крупье вновь колода крапленая фактов,
Он тасует их ловко и ловко он их раздает,
И ложится на стол секс-скандал и веер терактов,
Экзотический тур и на кассу брутальный налет.

Голосуй за мечту, выбирай одноруких бандитов,
Только б не было хуже, ведь ты лишь об этом мечтал,
Баррикады пусты, все слетелись на свет от софитов,
Смотрят треп про коллайдер и новый все ждут сериал.

Копшатся в подвалах бомжи а в коллекторах крысы,
Завершился помочный шопинг и вычеркнут день,
Где-то профиль маячит в потемках скинхедовский лысый,
И лежит в подворотнях глухих страха липкая тень.

Словом, город как город и люди в нем, добрые люди,
И квартирный вопрос в нем ответа по прежнему ждет,
Позабыта лежит голова Берлиоза на блюде,
Позабыли, что может нежданно настать их черед.

Все по кругу идет и идет и идет. Круг замкнулся.
Круг ушел сам в себя от того, что не видно конца,
А тревожная новость ползет и ползет: он вернулся,
Он уже среди нас, искуситель, что предал Отца.

* * *

Два года тишины...
Как ты смогла? Как не сошла с ума?
Сошла? Ну да...все эти сны...
И дни, затравленные мыслями, как псами...
А я...благоразумия весы...
Они все время врут,
И время врет. Нет не часы,
А время...тут как тут,
За встречи миг — безмолвие годами...
Как сговорились...тишина и время,
Тик-так, тик-так, тик-так...
Секунды в темя...
Лишь звон в ушах. От тишины.
Пролетки с бубенцами...
Хотя скорее долгого обоза...
Тягучая, как воск между зубами,
Вновь тишина...и ни стихи, ни проза...
Немой обет. Не мой. Два шага до стены...
Чтоб опереться.
Сколько ж было их...ненужных слов.
И нужных, запоздалых...
Высоких и простых,
Слетали с алых...
Ложились на пол ворохом листов.
Ушли слова в пыль старую шкафов,
Ушли слова, оставили покой...
Заупокой...их нет...
Хоть вой.
Наверно глупо...вроде пообвыкли...
Дела важней, узнают всех по ним,
А что слова — лишь только грим,
Для дел насущных.
Да... душа...

Ей за себя самой уже неловко,
Что не душа она давно — уловка,
Чуть-что и тычут ею невпопад...
А рядом совесть...
Ей неловче востократ.
Ведь совесть...
И все несется в бессловесной кутерьме...
Тик-так, тик-так, тик-так...
Дела и схемы,
Тик-так, тик-так, тик-так...
Мы здесь, но где мы?
Не слышим мы самих себя в себе...
Ведь нету слов...
Ушли, себе верны,
А я был занят, не остановил,
Но как теперь просить прощения и сил,
Когда останется
Два шага...
До стены....

★ ★ ★

Он давил из себя раба,
Верил в то, что закончит вот-вот,
А в нем было их даже не два,
А внем было их несколько сот.

И когда он вперед смотрел,
И когда вверх взлетал кулак,
Во все горло он песню пел,
Эту песню в нем пел Спартак.

Под аккорды гитарных струн,
Он сходилась не раз лоб в лоб,
С лицемерством больших трибун,
Это в нем говорил Эзоп.

А когда вершил самолет,
Точкой в небе любви этап,
В нем все ночи писал напролет,
Электрической лампы раб.

Раб желаний, мечты, обид,
Караван рабов на постой,
Понял вдруг он — ему претит,
Этот рабовладельческий строй.

Так в борьбе с собою самим,
Он сломался, он сильно устал,
И запил, и молвой гоним,
Всем рабам своим вольную дал.

Стихла боль безнадеги галер,
Нету правды тяжелых плит,
И обрел он покой среди,
Недостроенных в нем пирамид.

Разбежались рабы, кто в чем,
Но готовит судьба ухаб —
Незаметно остался в нем,
Тот один, недодавленный раб...

★ ★ ★

Вновь коты под окном начинают концерт оголтелый,
Здравствуй, март!

Здравствуй город, мой вечный и маленький рим,
Средь весенних оттенков я выбрал себе черно-белый,
Почему? Очень просто — сегодня смотрю старый фильм.

Есть какой-то подвох в увлечении ретроспективой,
Все знакомо давно, но мысли клубятся как дым,
Заполняя пространство контраста картиной игривой —
Черно-белая дверь в мир который я помню цветным.

Тот, где были деревья большими и длинными ветки,
Где босотой гоняли до ночи по нашим дворам,
А из «химии» знали зеленку, чтоб мазать коленки,
Кто постарше, тем мазали душу целебных сто грамм.

Где мне было когда-то ни много ни мало — пятнадцать,
И не помню каким занесло нас на это кино,
До шестнадцати фильм, надо было взрослее казаться,
Мы старались. Вахтершам на входе всем было смешно.

Прорывались вот так мимо них мы шутя и робея,
А потом запах зала, галерки шумок, монолитность портьер,
Я украдкой на Людку смотрел. Людка — дивная фея,
И на зло мне с экрана на Людку смотрел офицер.

И она на него... ну конечно... осанка, погоны...
Что там шкет в шестиклинке и старых отцовских штанах,
Против золота блеска... пардоны... манеры... поклоны...
Людка кружит с ним в мыслях на пышных и ярких балах.

После фильма как пес шел украдкой за запахом феи...
Был готов ей служить день и ночь, ночь и день, не вопрос,
По пути подворотня, какие-то темные тени,
Дальше все как обычно: вступился — расквашенный нос.

Как смотрела она на меня, буд-то был я блаженный,
А возможно тогда я таким и действительно был,
Прикрывая под глазом синяк или взгляд откровенный,
Не дышал, не смотрел, только плыл от волнения, плыл.

В каждой женщине есть неразгаданной мистики сила,
Черно-белый экран, дверь в далекие те времена,
Офицер на экране...и в зале сидела Людмила...
Вот уже двадцать лет мне подруга она и жена...

* * *

Белый лист на столе, бел и чист на стекле. Не исписан.
Все еще где-то там, за пределом бумажных полей.
Не коснулось еще. Не кольнуло. Ни брошен ни признан.
Сам еще по себе, вне эмоций, предтечи страстей.

Сам еще по себе, но уже извлечен и положен,
И одно остается ему — отрешиться и ждать,
Неизвестен финал, а финал всевозможный возможен:
Отсебятина или благая таланта печать.

Тень нависла над ним, тень склонилась судьбинушки-доли,
Размахнулась привычным к таким экзерсисам пером,
Закружили слова, то ли пьяные, резвые то ли,
Завились, завязались тугим неразрывным узлом.

Текст какой-то пространство листа заполняет неспешно.
Что же там, в этом тексте? Не буду, не буду читать...
Хоть и хочется страшно и тянет, и тянет конечно,
Помечтаю пока, есть возможность пока помечтать.

И вот видит себя он в руке на сияющей сцене,
Рукоплещут ему, он собрал в этом зале аншлаг,
Здесь читают с него о любви неземной и измене,
Здесь он реет над залом в руке как восстания флаг.

Может рукопись ждет, несгораемая анфилада,
И он станет причастен... нет, станут причастны к нему,
Ну а он безучастен... ну что вы... не надо, не надо,
Гений признан и лишний восторг здесь совсем ни к чему.

Так мечтал белый лист, отдавая себя без остатка,
Заполняло перо первозданную ту белизну,
И когда оставалось совсем ее мало, украдкой,
На составленный текст посмотрел сквозь мечты плену...

Прочитал быстро сам про себя аккуратные строки,
Захватило дыханье... прошибло... вернулся из грез...
На его белизне... имена... и какие-то сроки...
Одним словом, написанный грамотно черным донос...

Как же так?!... я же не... подождите, постоит, не надо!!
Так нельзя!... я же вовсе закончить вот так не хотел!!
Пошумел еще малость про сцену и про анфиладу...
Тихо в папочку лег... все стерпели... и этот стерпел...

* * *

Неделя самого сурового поста,
Еще несмелых птиц открылась пенем,
И почке трепетной, предвестнице листа,
Уже не справиться с растущим в ней волнением.

Не скрыть того, чему не суждено,
Вовек пропасть, забыться и исчезнуть,
Что всей природе от весны дано —
В ней сам Господь готовится воскреснуть...

* * *

Там, где не надо — я поспел,
Ведь надо ж было несурразице случиться:
Собрался только кучу сделать дел,
Как угораздило меня на свет родиться.

Позвал тихонько кто-то: — Эй, мужик...
И подтолкнул легонько кто-то в спину,
Пока я понял, возмутился, поднял крик,
Мне деловито завязали пуповину.

И перед мамой неудобно, ведь ждала,
И папа ждал так долго, что напился,
Но ведь дела, поймите же, дела!
Помыли...спеленали...отключился...

Потом включился. Вижу — все свои:
Не при делах и тоже все в пленках,
Кто порезвее — вьются как угри,
Кто пузыри пускает на клеенках.

А ведь меня предупреждали, это да,
Так тонко намекали херувимы,
Знать поделом, не слушал я тогда,
Успею, думал, ни к чему экстримы.

Да, мне серьезным этот стал урок,
Но унывать не собираюсь — это слишком,
Дела пусть ждут, какой теперь с них прок,
А жизнь не ждет, летит-спешит вприпрыжку.

Да и не так все страшно. Отосплюсь.
Неплохо кормят... подождет пусть вечность,
Здесь путь отмерянный закончу и вернусь,
К делам, которым сроку — бесконечность...

The image features a stylized map of Russia, where the landmass is filled with a complex circuit board pattern in shades of yellow and black. This map is centered on a dark background that has a radial, textured appearance, resembling a starburst or a field of radiating lines. The overall aesthetic is high-tech and digital.

**НЕДОСКАЗАННАЯ
БОЛЬ**

* * *

До и после. Увы, я так долго живу уже с этим,
Чувством горечи, смешанным с чувством какой-то вины,
Не поднять мне друзей, не стереть этих страшных отметин,
Где ведет меня память по пыльным дорогам войны.

Мимо снов, мимо слов, мимо дней и ночей, мимо жизни,
А в груди отбивает суровый свой такт метроном,
Стукнет «до», стукнет «после», замрет вдруг...

и ныне и присно,

Отпоет тихий хор и задушит слезой в горле ком.

И потом за столом поведут меж собою беседу,
Был хороший мужик, но какой же был право чужак:
Говорил — до войны твердо верил я в нашу победу,
Ну а после в нее не могу я поверить никак.

Говорил, как любил до войны, ненавидел как после,
Как он до потерял и как после вернулось вдвойне,
Как молчал и ходить начинал он вокруг все да возле,
Если спросишь, так что же там было, на этой войне?

До и после войны. Я как будто завис между ними,
На натянутой совестью тихо звенящей струне,
Вот коснулся ее и побрел вновь ногами босыми,
Я от хаты своей по золе, по стерне, по войне.

И бреду так с надеждой и с этой надеждою маюсь,
Между после и до по горелой пустой целине,
Вспомнить лица таких же мне встречных скитальцев
пытаюсь,
Но не в силах я вспомнить и горько становится мне.

Лишь один подмигнул и сказал мне — увидимся после,
И я замер тогда, я его и сейчас бы узнал,

Только страшно признаться себе, хоть измаялся вовсе,
То был я, только до, до того как войну повстречал.

До и после войны. Я так долго живу уже с этим,
Чувством горечи, смешанным с чувством какой-то вины,
Не найду я себя ни на том, ни на этом уж свете,
Я ведь после навеки пропал, тот что был до войны.

Недосказанья боль

1.

Они, скрипя зубами, снова прут,
Идут вперед, обвешаны крестами,
Их траки крупповские, не жалея, рвут,
Родную землю. И плюют кусками.
А мы стоим на этом рубеже,
Их столько было, сбились мы со счету,
Нам умирать давно не вновь уже,
И смерти вид давно не кличет рвоту.
Изрыли снова землю, как кроты,
Прости нас, грешных, милая земля,
Родная мать, ведь кто же, как не ты,
В час смертный нам укроешь наши лица.
Но не досуг сейчас твердить о нем,
Когда железа рев ползет из мрака,
Сметая все, что перед ним, огнем,
Как молох беспощадный. Вновь атака.
Седьмая иль восьмая, что гадать,
Ведь все равно ни в жизнь не подгадаешь,
Когда тебе ее предписано отдать,
Одно лишь — не за так — ты твердо знаешь.
Горячка боя. Час прожить — как миг.
Вселенная сжимается до точки,
Что движется в прицеле. Выстрел. Крик.

И так за разом раз, как по цепочке.
Фонтаны пыли, пуль шальных следы,
На бруствере букетом расцветают,
Здесь каждая из них с тобой на «ты»,
Как будто каждая давно тебя здесь знает.
И каждая, как горький детский плачь,
Все ближе к сердцу норовит подкрасться,
Что бьется ритмом яростных отдач,
За жизнь мою не прекращая драться.
Они не сдюжат. Точно. Залегли.
Казалось им — недалеко до цели,
Отведайте же, выродки, земли,
Ведь вы ее отведать так хотели.
Попятились. Знать, тоже умирать,
Не хочется. А как же — человеки.
Будь проклят ваш отец и ваша мать,
Что родила вас. Проклята навеки.
- Ну что, братушки, живы? Не робей, -
Наш старшина несется по траншее,
Ведет погибших счет. За пару дней,
Заметно сделались виски его белее.
А бой идет, гильз легкий перезвон,
Летит над полем: упокой их души...
В окопах крик, в окопах тихий стон,
И гари вкус по горлу бьет и душит.
Но нет, еще не весь оплачен счет,
Враг отошел и вновь затих во мраке,
По фронту перекличка зов несет:
— Не дрейфить, братцы, приготовиться к атаке!...

...В моем письме всего лишь пара строк:
Что жив, здоров, сегодня передышка,
Что преподали им таки урок,
Как вы там, дорогая, как сынишка?
Подрос, наверное, теперь и не узнать,

Когда вернусь, до неба полетает
В моих руках. Немного, верю, ждать.
Вот интересно, папку хоть признает?

Ты не волнуйся, береги себя,
Кукушка нагадала — жить мне долго,
С тобою вместе и тебя любя...
Мы наступаем. Позади уж Волга.

2.

Тревожной тишью полнится рассвет,
Час наступленья близок. Ждем ракету.
С махрой заметно опустел кисет,
И верит каждый в верную примету.
Две ночи кряду на нейтральной полосе,
Братки-саперы обезвреживали мины,
Под утро возвращаясь по росе,
Слепому фарту открывая спины.
Той полосы — пятьсот каких-то метров,
А вот пойдя, попробуй перейти,
Когда становится длиннее километров,
Твой каждый сантиметр того пути.
И жизнь твоя, уже не жизнь, а вежа,
И вех таких на полосе уже не счесть,
И даже смерти стало не до смеха,
От тех смертей, что в жизни будят месть.
Бегут секунды, приближая час,
Озноб все крепче пробирает тело,
Вот самокрутки огонек угас...
Курнуть успел... И время подоспело.
Артподготовка. Хоть сверяй часы.
Земля дрожит и сыпется за ворот,
Вновь в метры этой жуткой полосы,
Вбивает вехи беспощадный молот.
Но вот затих огня смертельный шквал,

Лишь звон в ушах стучит набатом в темя,
Тот тишины смертельной не познал,
Кто не был здесь, когда застыло время,
Когда сердца зажаты, как в тиски,
Неумолимым приближением развязки,
И мыслей растревоженных куски,
Снуют в мозгах и прячутся под каски.
Ракета! Всё... Пошли опять:
— Эх, мать твою!... И лезем из окопа...
Негоже матерей так поминать...
Так то ж не наших поминам скопом.
Вот страшный миг: подняться в полный рост,
Пусть даже и не в полный, пусть пригнувшись,
И путь начать свой, что совсем не прост,
Над краем скошенным окопа пошатнувшись.
Бегу вперед, как будто бы во сне,
И крика своего совсем не слышу,
Как громко пули барабанят по броне,
В тела как входят тихо: ниже... выше...
Как рыскают незримо по степи,
Одна вперед другой, как псы за сукой,
Свистят над ухом: — Ну же, потерпи,
Мы станем в небесах твоей порукой.
Идите к черту. Нет, ко всем чертям!
Которые на встречу вас прислали!
Я рвусь вперед. Пока я жив, смертям,
Угнаться суждено за мной едва ли.
Все ближе край чужой передовой,
Все ближе миг отчаянной вендетты,
Плевать на смерть, сейчас мне нужен бой,
Готовьте, твари, на кресты себе портреты.
А вот и он — врагов моих окоп,
Сейчас он станет братскою могилой,
Для них... для нас... И вот сошлись лоб в лоб,
В резне кровавой с неземною силой...

По горлу нож. Под ребра штык.
Не время... врешь... звериный рык...
Из тел клубок... и души вон...
Еще рывок... последний стон...
Рука в крови. В боку кинжал.
Момент лови. Тебя он ждал.
Короткий хруст. Рука, как плеть.
Тебе, Прокруст, так не суметь.
Дыханья смрад. И пена с губ.
Издохни, гад. Блиндаж твой сруб.
Еще... еще... еще удар...
Как коротка была резня,
Но как же долгод тот кошмар,
Что с той поры преследует меня...
...Сегодня хоронили восьмерых,
Вчера погибли братья из пехоты,
Один был жив и лишь к утру затих,
В бреду метался и все звал кого-то.
Нас много больше полегло в бою,
Но эти были восьмеро из взвода,
С которым вместе я стоял на том краю,
С которым смерти разыграл вчера колоду.
Знать, мне достался джокер, раз живой,
И знать живым пришла от жизни карта,
Судьба раскинула ее своей рукой,
Слепая от крови и от азарта...
...Вот, наконец, пришло твое письмо,
И открывать его я не решался...
Держал в руке. И так о чем оно,
Я угадать по почерку пытался.
Потом отважился. Открыл.
Прочел любви огромной строки...
Потом курил, курил, курил...
Был в горле ком от мыслей поволоки.
Как я люблю вас. Нипочем теперь

Мне эта бойня. Главное — вы живы.
Я все пройду, я выживу, поверь,
Пусть впереди еще атаки и прорывы,
И пусть мой путь еще далек,
Тебе я шлю, как будто запоруку,
Ромашки нежной высохший цветок,
Чтоб он душой моей прилег тебе на руку...

3.

Вот перед нами Днепр. В руинах Киев.
Лежит, окутан дыма пеленой,
Как будто вновь коварный перст Батыев,
Навел на город полчищ диких строй.
Снуют по улицам разбитым с ревом танки,
Артиллеристы лупят — баш на баш,
Снаряды падают со свистом как подранки,
На берег тот — чужой. А этот наш.
Хотя тот тоже наш, осталось малость:
Пускай до середины долететь,
Доплыть, добраться, поборов усталость,
А дальше уж прорвемся через смерть.
Форсированье суеты не терпит,
Тут мелочь каждая становится важна,
Здесь каждый сам надеется и крепит,
Соломинку, что выручить должна.
Вновь переправа. Мысли точат жало:
Одна не ходит никогда беда —
Как будто одного огня нам мало,
Ему теперь в союзниках вода.
Неужто все стихии ополчились,
Огонь, вода и воздух. Как петля.
Но как бы люто петли те не вились —
Земле спасибо. Примет нас земля.

Она теперь ведь во сто крат роднее,
В окопах, блиндажах спасала нас,
В землянках грела, от того теплее,
Озябшим душам было хоть на час.
Идем к воде. Грохочет канонада,
Плашмя болванки падают на гладь,
Но надо, братцы, черт возьми, ведь надо,
На хлипкий плот не дрогнув сердцем встать.
И больше здесь вопросов, чем ответов,
Вон, впереди, совсем пацан идет,
Попал сюда и жизни не отведав,
Ведь не пловец... ведь точно пропадет...
Пришел во взвод недавно с пополнением,
С такую же зеленой пацанвой,
Для них воочию здесь стало откровением,
Что означает фраза «смертный бой».
И он стоит среди нас и водной шири,
Бескрайней, как его родная степь,
Но нет ему сейчас простора шире,
Чем бесконечная реки могучей цепь.
О чем он думает, о чем? Ведь еле дышит,
Как выжить...как доплыть...как, все же, смочь...
Молись, братишка, Бог тебя услышит,
Мы все здесь молимся, сомненья бросив прочь.
Удар...огонь...вот новые потери,
Река меняет свой привычный цвет,
Мы жмемся, как затравленные звери,
За пушки окровавленный лафет.
Вода в смертельных судорогах бьется,
Руками раненых, их стоном, их мольбой,
Последний крик...лишь эхо отзовется...
И пропадет в той бездне громовой.
Она бурлит, как горная лавина,
От взрывов мин, снарядов и гранат,

Ну где же, где же эта середина,
Которая страшной конца стократ.
Крестами в небе реют самолеты,
У них там, в небе, тоже кутерьма —
Пылают крылья и горят пилоты,
Пронзают берег...и приходит тьма...
В горниле этой страшной мясорубки,
Мы — аргонавты средь смертельных скал,
Холодным потом мы пропитаны, как губки,
Кто проскочил, тот выжил. Нет — пропал.
А выжил ли?... Все ближе, ближе берег,
Что огрызается несметностью стволов,
Его нельзя купить, таких нет денег,
Но есть цена — жизнь наша иль врагов.
Осталась малость, мы почти у цели,
Каким-то чудом уцелел наш плот,
Ряды заметно наши поредели,
Бой принимает новый оборот.
Немые пальцы... клацанье затворов...
Кураж смертельный и смертельный шарм,
Горячей схватки неумный нор,ов,
Над всем команда: — Занимать плацдарм!
Здесь милосердие равняется с изменой,
Здесь только ненависть, отчаянье и месть,
Одною к берегу волной прибило пенной,
Живых и мертвых. Тех и тех — не счесть.
Мы неразлучны, как и подобает,
Ведь все пришли сюда в одном строю,
И каждый место друга занимает,
Который голову сложил в лихом бою.
Вот мы пока стоим у самой бровки,
Но рвемся дальше. Так за шагом шаг.
В совсем еще неясной обстановке,

Одно лишь ясно — впереди наш враг.
Задача наша — только удержаться,
И держимся, и пулям шлем поклон,
Как долго нам вот так придется драться?
Пока второй не подоспеет эшелон.
Стоим стеной, назад дороги нету,
А перед нами — стенка из огня,
Смерть снова подбивает свою смету...
Вдруг, как на зло, подранило меня.
В глазах круги и пелена от боли,
И хорошо, хоть в ногу, не в живот,
Лишь злая мысль: отвоевался, что ли,
Сознания потерять мне не дает...
...Открыл глаза. Увидел небо в звездах...
— Смотри, очнулся... Голос я узнал:
Парнишка тот, что был в смертельных грезах,
Когда к воде он впереди шагал.
Наверное не он, а мать молилась,
Просила Бога, чтобы уберег,
И он услышал, как сердечко билось:
Вернись живой, вернись, вернись, сынок...
...Держу в руках рисунок Лешкин... Слезы,
Вдруг накатились и не вижу строк,
В душе смятенье, мысли, как занозы...
Спасибо, мой любимый мужичек...
Солдатик милый, береги там маму,
И, как мужчина, маме помогай,
Вернись когда, расскажешь мне о самом
Желании заветном. Загадай.
Любимая, ты за меня не бойся,
Благодарю за сына и горжусь,
Не рви сердечко и не беспокойся,
Я жив останусь. Ведь не зря молюсь...

Штурм как и водится, был начат на рассвете,
Знать, перед Богом виноват рассвет,
В подвалах к стенкам жмутся в страхе дети,
Невинны пред Всевышним. Пред войною — нет.
Тем паче надо дело нам закончить,
И тут уже кому как повезет,
Прикончить эту тварь. Навек прикончить.
Вот в доме взят пролет. И новый ждет пролет.
Квартал прошли, да вышла тут накладка,
На месте топчемся поди уж битый час,
А может два приходится несладко,
От пулеметов беспощадных трасс.
Уперлись, гады, все не могут надышаться,
А нам немоготу теперь стоять,
Пора вопрос закрыть и расквитаться,
Развеять, растоптать их, рассчитать.
Но живы те, которых не добились,
И тщатся за наш счет свой век продлить,
Артиллеристы, братцы, пособили,
А нас уже давно не надо злить.
За столько лет сверх меры накопело,
Вперед рванулись. Но не каждый встал.
Залег навеки здесь... и отболело...
И каждый новою звездой в небе стал.
В кругу последнем темной силы цитадели,
В гранитном царстве факельных пиров,
Дома в огне как свечи быстро тлели,
Дух изгоняя черной мессы слов...

...Ура, любимые! Берлин сегодня взяли!
Великий праздник — кончилась война!
Сегодня одеваем мы медали,
Сегодня одеваем ордена.
Ведь мы дошли...дожили...дотерпели...

Ползли по грязи, по воде брели,
К заветной цели...к самой верной цели...
К далекой цели бесконечно шли.
Все позади. Ужель я скоро буду,
В родных краях. И нет уже войны...
Со мною в сердце были вы повсюду,
Ко мне в короткие наведывались сны.
Я вижу: захожу в знакомый дворик,
Раскинув руки сын бежит ко мне...
В твоих глазах утихнет боль от горя...
Я обниму вас и скажу: — Конец войне...

Материнська віра

Весна бузковим цвітом буяла у саду,
Чекала зустріч з літом — зустрінула біду.
Принесли літні грози з далекої війни,
Журби підступні сльози у материнські сні.
Принесли розставання, надію у вікні,
Молитви повні ночі, тривоги повні дні.

Їй звістку про загибель приніс з собою сніг,
А разом з нею фото — його веселий сміх,
Немов говорить: «Мамо, не вірьте, я прийду»,
І материнське серце повірило йому.
Продовжує чекати в надії ночі й дні,
Так вірити, як мати, спроможні лиш святі.

A painting of a forest scene with trees and a path, overlaid with the text "ДРУГАЯ ОСЕНЬ". The painting depicts a dense forest with tall, thin trees and a path leading through them. The foliage is rendered in various shades of green, yellow, and red, suggesting an autumn setting. The style is impressionistic, with visible brushstrokes and a soft, dappled light. The text "ДРУГАЯ ОСЕНЬ" is written in a bold, orange-red font with a dark outline, positioned in the upper right quadrant of the image.

**ДРУГАЯ
ОСЕНЬ**

Другая осень

То, что от сердца отлегло —
Упало в проседь,
Вновь птиц поставив на крыло,
Настала осень...
Ну здравствуй, — тихо ей сказал...
Не отозвалась...
Бушует вновь осенний бал...
Видать зазналась.
Средь ряби луж кривых дзеркал,
Кружит надменно,
Тем намекая, что достал,
Тоской нетленной...
Кружит вовсю, а я с тоской,
Совсем ни к месту,
Зачем грустить — танцуй и пой,
Не порть фиесту.
И я запел...скорей завыл,
Как пес в кручине,
И танцевал и закутил,
В дождей трясине...
Стихи читал ей сам не свой,
Напропалую.
Кричал: — Запомни! Я не твой!
Люблю другую!
Люблю. Да только вот беда...
И эта проседь...
Люблю другую...это да...
Другую осень.
Ту, что лишь только раз была,
Ту, что забыла...
На миг лишь осень замерла,
И кровь застыла...
Ведь это ты?! Тебя узнал!

Ведь ты вернулась!
Вдруг подошла...и обняла...
И улыбнулась...

«Невже це осінь, осінь, о! —
та сама»

Ліна Костенко

У свою Мекку —
Незрівнянну Осінь,
Ідуть усі, без винятку, поети,
Несуть для неї,
Щоб вплела у коси,
Одвічний смуток,
Оди і сонети.
Ідуть почути
Журавлину пісню,
Небесну пісню,
Сповнену журбою,
Знайти красу,
Приховану навмисно,
В густих туманах,
Під дощів чадною.
Ідуть побачити,
Як падолист багряний,
Минулих літ
Забув перестороги,
І знову кидає,
Багаття димом п'яний,
Чарівній осені
Все золото під ноги.
Вона стоїть,
Палка від цього свята,
Така беззахисна,
Відкрита і незнана...

Їй тихо каже вітер:
Відцурайся злата,
Воно не варте слова тихого —
Кохана.

* * *

Станет небом зонт на время,
Для двоих и для листвы,
Не сдержат судьбы нам стремя —
И годов минувших бремя,
Мы на «ты» давно, увы.
Держат небо наше спицы,
Элегантно и легко,
Мы несем его, как птицы,
А над ним вода искрится,
Листья кружат высоко.
Мы несем его небрежно,
Кормим хлебом голубей,
Что у ног воркуют нежно,
Разливается безбрежно,
Запах трепетный дождей.
Мы идем, листву тревожа,
Продолжая разговор,
Как же осень вновь похожа,
На мольберт. И нет дороже,
Красок этих с давних пор.
Зонт парит листом над нами,
Чистый, легкий, яркий лист,
Небо, что под небесами,
Наше небо. Наше пламя.
Нашей осени артист.

Туга

На подіумі осені —
Дерев відверті пози.
У стані почуттів —
Значні метаморфози.
І журавлиний реквієм
Над храмом білих стін.
Для чого ти питаєш,
За ким цей дзвонить дзвін?
Чому ти знов гадаєш,
За ким спішать птахи,
Коли їх в дальню подорож
Благословлять дахи.
Хіба не за тобою
Цей журавлиний клин,
Летить в країну спогадів?
Тож, не гадай, за ким.
І не відшукуй правди,
Коли почувеш дзвін...
Радій, що ти не знаєш,
За ким так тужить він.

* * *

упреки, упреки...предвестники осени,
в душе суета, словно листья кружат,
листают страницы законченной повести,
сентябрь к началу совсем невпопад.

в таинственной мгле и тиши междустрочья,
витают и ищут потерю свою —
надежду уставшую, рваную в клочья,
на то, что услышит он снова: люблю...

Осінь у Львові

Знову жовтень, знов зів'яле листя,
Падає на сірий тротуар,
У провулках видатного міста,
Що є заходу країни «супер стар».
Хаос вулиць, затишок кав'ярень,
Львівської розмови колорит,
Не старе, хоча і старовинне,
Місто — камінь, місто — моноліт.
Накриває осінь синім небом,
Жовте листя вже останні дні,
Синьо-жовті дні у Львові — символ,
Українського Відродження весни.

записки на полях

Ослиная мудрость

Однажды ранним летним утром,
Приехал в тихий спящий лес,
Осел, он ездил за границу,
На пень большущий сразу влез.
С трибуны той он начал гордо,
Ораторства показывать урок,
Сбегались звери отовсюду,
Послушать мыслей умных впрок.
Осел, в парижках нахватавшись,
Вершков заморских знаний,
Копытом бил себя во грудь,
Крича без всяких колебаний:
— Провинция! Консерватизма рай!
Могила мысли просвещенья!
Свободы слова, птицы, зверя!
Не будет вам за то прощенья!
Послушайте совета моего,
От сердца чистого любому расскажу,
Не взяв за те советы ничего,
Как с жизнью вам управиться в лесу...
Народ лесной, простой, забитый,
Испуган был и удручен,
Услышав мудрый слог забытый,
Из глоток вырвался лишь стон:
— Как дальше жить?! Скажи, отец!
Ревели звери возбуждённо.
Осел с пенька на землю слез,
— Отвечу завтра, непременно.

Ходить к ослу, учиться жить,
Спешат все звери, стало модно,
Хоть леса жизнь он плохо знал,
Науке жить учил охотно.
И пусть советы были те,
Немного, скажем, не по делу,
Давал тут знать авторитет,
Его оспорить — кто тут смелый?
Осел успешно почивал,
На лаврах леса охмуренья,
Почет и славу он познал,
Богатство дали приношенья.
Стремится каждый ублажить,
Учителя, специалиста,
— Прожить нельзя нам без него!
Он мыслит ясно, мыслит чисто!
Никто в лесу бы и не смог,
Понять, что у осла творилось,
Когда он дома был один,
В душе. Душа его молилась...
— Господь, не позволяй толпе,
Увидеть знанья свет,
Среди невежд я — луч во тьме,
Невежды нет — и тьмы той нет,
На их невежестве стоит,
Почет мой, деньги, слава,
Ведь без него все пропадет!
Услышь меня ты, право...
Допустим, плохо знаю я как жить,
Так ведь про то они не знают,
Посредственность учителем своим,
Невежество пусть дальше называет...
В морали этой басни я хочу,
Сказать, чтоб сбросить с короля одежды:
Невежество — посредственности раб,
Но и посредственность — раба невежды...

★ ★ ★

Лисица раз задумала лихое,
И для проформы глазками моля,
Мол, заходи, дружище, всё такое...
Так на Тушонка-пати звала журавля.
Журавль тогда был, как на зло, голодный,
И возбужденный — был у птичек гон,
Чеканя шаг курьёзно — благородный,
К Лисе примчался, захватив флакон.
Лиса встречала журавля отрадно:
Накрыла стол, тушенку принесла,
Немного соль рассыпала. Да ладно —
Хвостом смахнула. Сели у стола.
Журавль сидел, расправив крыла,
В бутылке клюв — смакует самогон,
Лиса еще тушенку не открыла —
Он банку принялся долбить. Что значит — гон!
Сидит и долбит, в предвкушеньи мига,
Что в клюв вот-вот тушенка попадет,
Лиса балдеет — знатная интрига!
Журавль попался! Прёт сегодня, прёт!
А тот долбаёт, банку сотрясая,
И вместе с нею стены, мебель, стол,
Лишь клюв мелькает, искры высекая,
Что весело слетаются на пол.
Долбил, долбил. Из банки сделал мину,
Лиса сидит, не сводит хитрых глаз,
Остановился вдруг, расправил спину,
Лисе тут клювом кааак зарядит раз!
Промеж очей её таких бесстыжих,
Промеж ресниц, приклеенных слюной,
И как искрой горячей клювом выжет,
На рыжем лбу Лисы синяк большой!

Непредсказуема еси ты, мать — природа,
Мораль же басни скажет вам, друзья:
Когда у птички гон, то на полгода,
Прелюдию затягивать нельзя!

★ ★ ★

Она снимала не робея... свой фартук...
здравствуй, Галатея...
не Галатея? Мельпомена?...
Опять не в лузу. Может Ксена?
Метида...Муза...Немесида...
Иль Терпсихора...Нереида!!!!
Но все не то...опять засада
и вижу что совсем не рада
наяда мне...
— И где ты шлялся?
— Родная, в рифмах упражнялся...
— Нажрался там же?
— Нет...то есть да... ну то есть нет...
— Так да?
— Увы...так да...
— Пшел вон!!!
— Уже, Прасковия, иду...
имел я этот сонм в виду...
не надо больше повторять
иду в кроватку...спать спать спать...

★ ★ ★

По жизни понял: старый друг —
Получше даже двух подруг.
Не в смысле том, а в этом смысле,
Тут у кого какие мысли.

Вот, например, такой расклад,
Возьмем навскидку, невпопад:
Был друг и на вот — олигарх!
Был Арик. На вот — Аристарх!
Ты ж был мой лучший кореш!
Теперь деньгами соришь...
Мы ж вместе пили! Ели колбасу!
Когда? На празднике в лесу!
А помнишь славный шашлычок,
И девки лезут под бочок...
А помнишь, как ты помирал?
Кто хлеба кус тебе подал?
И кто водой тебя поил,
Сам выбиваясь уж из сил...
А как в далеком детстве,
Черешню крали вместе?
Хотя уж понял я давно,
Какие мы друзья и то,
Куда мой друг поделся:
Все ясно — друг наелся...

Пародии

Не помню отчего-то
Хорошие деньки.
Бредет, спешит охота,
Торопятся стрелки.
Хлебнут из фляги кваса,
С болота — ветерка,
Прицелятся в бекаса,
А угодят в чирка...

(Натан Злотников, сб. «Живое зеркало»,
изд. «Современник», Москва, 1987 г.)

Четвертый день с болота
Идут, бредут стрелки.
Закончилась охота,
Хорошие деньки.
Уж всех тошнит от кваса
И на душе тоска:
Прицелишься в бекаса,
А угодишь в чирка.
Вот так и у поэта,
Бывает странный рок,
Где кажется сонетом,
С болота ветерок.
И вроде есть в запасе
И силы, и силки,
Но как поймать Пегаса,
Когда вокруг — чирки?

Випадок у тролейбусі

На ногу каблуком:
— Дозвольте, я сяду...

Василь Простопчук,
Зб. «Білі метілі», Київ, «Феміна», 1995 р.

Джерело натхнення

В тролейбусах з дитинства
Насильства не любив,
На травму каблукову
Миттево відповів...
Маленьким віршем
У черговій книжці.
А уявіть, якби дістав
Ще й кулаком по нирці.

* * *

Сміялася і плакала вона,
Між пальцями тремтіли юні перса...

Василь Простопчук,
Зб. «Білі метілі», Київ, «Феміна», 1995 р.

Бува й таке

«Сміялася і плакала вона,
Між пальцями тремтіли юні перса...»
Бува й таке: це у жіночий день
Поет до лазні за сюжетом вдерся.

Пісня про комісара

...Де галявина, де яр,
Де волошки сині —
Їде красний комісар
По полях Волині...
...А за ним, куди не кинь,
Йдуть на пана танки.
Зустрічай моя Волинь,
Сонячні світанки...

Степан Олійник,
Зб. «Навіки разом», Київ, 1979 р.

Знайшла

По Волині, там де яр,
І дерев корони,

Їде красний комісар.
А чи то, червоний?
Їде танком, чим не кинь,
Спереду — гармата,
Тиха радість — як не кинь,
Пана жде розплата.
Линуть гасла, обіцянки,
Від Страни Советов:
«Будуть сонячні світанки!».
А чи то, «рассвети»?
Перетнув усю Волинь,
Доки біля ганку,
У поліському селі,
Не зустрів селянку.
Очі дивної краси,
Мов волошки сині,
Увібрали всю блакить
Всіх озер Волині.
Дав команду комісар,
Зупинились танки.
— Где нам пана отискать,
Подскажі, громадянка.
Ми на смерть ему раздулі
Міровой пожар...
А вона: — Хіба не в танку,
ПАНЕ комісар?

Вірш

про партійного працівника

...Немов зберіг він незвідані тайни,
Так спав неспокійно і часто вві сні,
Кричав, посилав десь колгоспні комбайни...

Іван Рядченко,
Зб. «Навіки разом», Київ, 1979 р.

Тверде слово парторга

Він спав неспокійно і часто кричав уві сні,
Він довго беріг і плекав цю незвідану тайну,
Як вийшов якимось на колгоспні широкі лани,
І вголос послав десь колгосп і колгоспні комбайни.
Послав.
Як відрізав.
Сказав: «А пішло...
До біса надої, відсотки, аврали, центнери...».
І послане сонце ховалось за рідне село,
І послані йшли вздовж межі по хатах комбайнери.

Тост

Разговор про душу
ЗА душу берет,
До слезы задушит,
Душу разберет.

Белой чайкой чарка
Над столом парит:
Чартерные рейсы —
Стол-душа-транзит.

Пушкин, просто душа,
Не минул тех чар.
Вспомни: горе, кружка,
Выходки гусар.

И мычал Тургенев,
Уходя во тьму,
После пятой чарки,
Ласковое «му»...

Как был прав мыслитель,
Те слова по мне,
Что ни говорите —
Истина в вине.

И другой, не глядя,
Мудрецом был, все же,
Выбор сделал верный —
Истина дороже!

Так что, друг, за истину!
Выпьем, сердце просит,
Чтоб в душе пылала
Болдинская осень....

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. НЕЗБАГНЕННЕ...

1. Незбагненне	6
2. Мовчи, Софіє, бачу все сама	7
3. Навряд чи зможе хоч один чужинець	9
4. Як важко позбутися маски	10
5. Що наше тіло — капище богів	10
6. Тривожне сонце котиться у степ	12
7. Пробач нас щиро, Україно	13
8. Свято	14
9. Відлуння добрих побажань	16
10. Чорна калина	16

Глава 2. УЗНИК...

1. Ангел	20
2. Тяжел твой взор, отец степи	21
3. Узник	21
4. Крестоносцы	23
5. Восславь весны приход, философ!	24
6. Заупокой царит в холодном храме	25
7. Среди пожелтевших старых книг	25
8. Ты грозен был, центурион	26
9. Холст	26
10. Я выситсья привык горой гранита	27
12. Монологи Мессира	29
13. Я, как камин пустой — душа сгорела	38

Глава 3. ВІЗЕРУНКИ ДОЛІ...

1. Візерунки	40
2. Катя, Катеринка, Катерина	41
3. На весні заходився дід	41
4. Рядно строкате хиб та протирич	43
5. Ранок	44
6. Зустріч на межі тисячоліть	44
7. У хащах медових	44
8. Реальна віртуальність	45
9. Оазис	46
10. Зимовий вечір	46
11. Любове, виправдай мене	47
12. Довірся мені в своїх снах, моя мила	48
13. Міста моєї Батьківщини	49
14. Так сталось, сьогодні я «не на коні»	50
15. Я жду тебя. Прийди, Мессир	52
16. Я о том, как мир прекрасен	53
17. Колодец	54
18. Свой первый замок из песка	54
19. Любовь ещё спала, когда устало	55
20. Поставь любовь на пьедестал	56
21. Пес	57
22. Она жила как знала, как умела	57
23. В колыбели старой сладко спал малыш	58
24. Памяти В.С. Высоцкого Прошу, не надо, слов не говорите	59
25. Послушайте песни синих китов	60
26. Легко узнать, какого цвета счастье	60
27. Не смейтесь, но сегодня я решился	62
28. Введен курок. Еще чуть-чуть, пол шага	63
29. Увидел я в Вашей розовой шали	64
30. Не надо лгать. Уж лучше так	65
31. Этот город. Он полон сусального кича и пафоса	65
32. Два года тишины	67

33. Он давил из себя раба	68
34. Вновь коты под окном начинают концерт оголтелый	69
35. Белый лист на столе, бел и чист на стекле. Не исписан	71
36. Неделя самого сурового поста.	72
37. Там, где не надо — я поспел	73

Глава 4. НЕДОСКАЗАННАЯ БОЛЬ...

1. До и после. Увы, я так долго живу уже с этим.	76
2. Недосказанная боль...	77
3. Материнська віра	87

Глава 5. ДРУГАЯ ОСЕНЬ...

1. Другая осень.	90
2. У свою Мекку —	91
3. Станет небом зонт на время	92
4. Туга	93
5. Упреки, упреки...предвестники осени.	94
6. Осінь у Львові	94

Глава 6. ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ

1. Ослиная мудрость	96
2. Лисица раз задумала лихое	98
3. Она снимала не робея... свой фартук	99
4. По жизни понял: старый друг —	99
5. Пародии.	100
6. Тост.	104